

ГЛАВА III

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ РОССИИ О ВОЕННОЙ ДОКТРИНЕ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В XXI ВЕКЕ

Столь популярный в советское время марксизм, равно как и его критики имел дело с совсем другой экономикой и другим обществом¹.

*М. Горшков,
академик РАН*

Военная доктрина... представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации².

Военная доктрина России

Военно-политические, военно-экономические и иные решения принимаются правящей элитой на основе своих субъективных представлений о тех объективных реалиях, которые формируют ВПО в мире и в стране. От качества информации и принятых решений зависит их адекватность и своевременность, масштабы и эффективность используемых национальных ресурсов и в конечном счете безопасность нации и государства. Именно поэтому роль субъективного фактора чрезвычайно высока, а в некоторых случаях становится решающей.

Во втором десятилетии XXI века правящей элите России предстоит принять важнейшие решения, от которых будет зависеть не только положение страны в мире, но и само существование нации и государства. Вот почему очень важно, чтобы в военной доктрине страны, как системе официально принятых взглядов на подготовку ВС и ВиВТ, способов их использования в интересах национальной и военной безопасности нашли адекватное отражение существующие меж-

дународные и российские реалии. Место доктрины в общей логической схеме реализации политики определяется положением правящей элиты по отношению к соответствующим объектам влияния (рис. 1). При этом необходимо понимать, что правящая элита и сама становится объектом влияния.

Как видно из рисунка, субъективные представления элиты и принимаемые решения охватывают всю структуру политического процесса — от осознания системы национальных ценностей и национальных интересов (группа «А») и международных реалий, внешних опасностей и военных угроз (группа «В») до осознания и принятия внешних решений в области национальной стратегии — определении политических целей и задач (группа «Г») и распределении национальных ресурсов (группа «Б»).

Военная безопасность государства — такое состояние нации, общества и государства, которое исключает нанесение неприемлемого ущерба средствами вооруженного насилия. Военная безопасность

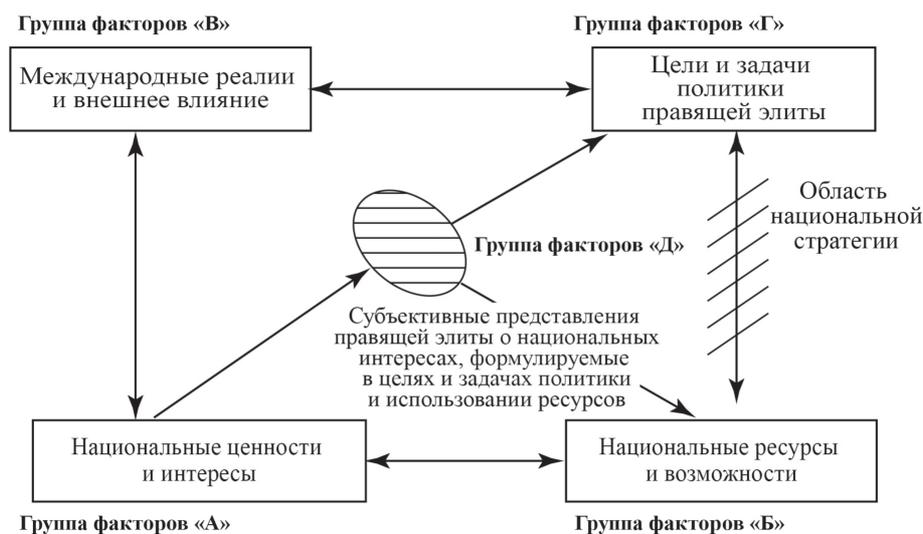

Рис. 1. Место элиты как субъекта и объекта влияния на процесс принятия решений

характеризуется не отсутствием внешних и внутренних угроз, а способностью нации, государства и общества противодействовать эффективному использованию против них военной силы, составная часть национальной и государственной безопасности. Она является производной как от национальной, так и государственной безопасности. Это означает, что рассматривать такое состояние вне этих понятий бессмысленно, как если бы рассматривалось намерение строителей строить верхние этажи без фундамента и нижних этажей³.

Таким образом понятия «национальная» и «военная» безопасность соотносятся как общее и частное. Вместе с тем по отношению к этим понятиям существуют и более общие понятия — «международная» и «региональная» безопасность, которые во многом характеризуют их уровень. Общее представление о соотношении этих понятий дает следующий рисунок.

Как национальная, так и военная безопасность обеспечиваются различными средствами, которые можно объединить в следующие группы (рис. 2).

Обеспечение национальной безопасности и суверенитета России в современных условиях

возможно с помощью самых различных средств — дипломатических, экономических, гуманитарных, др. Причем (и это важно отметить) как в первую очередь государственных, так и негосударственных и международных. Например, если дипломатия является исключительной прерогативой государства, то общественная дипломатия может осуществляться при поддержке государства и самостоятельно. То же самое можно сказать об экономических средствах, где нередко используются частный бизнес, образовательные, научные, культурные и пр. негосударственные средства влияния, среди которых важную роль играют, например, негосударственные СМИ.

Важно подчеркнуть, что в последние годы негосударственные средства влияния стремительно развиваются, превратившись в самостоятельный политический фактор. Вместе с государственными гуманитарными средствами они превратились в мощный политический инструмент, получивший название «мягкой силы». При этом этот инструмент активно используется как самостоятельно, так и в качестве первого этапа враждебных действий, нередко предваряющий собственно военные конфликты и войны.

Иногда говорится о том, что «мягкая сила» не только эффективнее «жесткой», но и вполне ее заменяет. Это не соответствует действительности. Как показывает опыт, граница между двумя силовыми формами очень условна, особенно если речь идет о превращении традиционной «мягкой силы» в этап информационно-подготовительный и киберэтап военных действий.

Рис. 2.

Кроме того, без политико-психологического прикрытия военной силы сама по себе «мягкая сила» резко теряет в эффективности. Таким образом, среди таких средств по-прежнему важная роль остается за военными средствами. Признание этого очевидного факта, однако, не является до сих пор общепризнанным в российском обществе и элите страны, которые во многом остаются под влиянием оценок, сформировавшихся в 80-е годы XX века, когда в правящей элите страны стала модной теория, в соответствии с которой «военная сила потеряла свое значение». Подобная политическая позиция очевидно негативно отразилась на обороноспособности страны. Ситуация стала медленно меняться в последние годы. Можно сказать, что общий политический фон в целом скорректирован в 2010–2013 годах, когда были приняты принципиальные решения в области военной политики, военной доктрины и государственного оборонного заказа (ГОЗ).

Дискуссия в обществе, экспертном сообществе и государственных институтах продолжается. В этой связи необходимо определиться с соотношением понятий «военная доктрина», «национальная», «государственная» и «международная» безопасность, «военное строительство» и другими понятиями. К сожалению, в современной российской науке существует различие, а в правящей элите — различное понимание содержания этих понятий. В данной работе предполагается, что: **«военная доктрина»** — это система официально принятых взглядов на подготовку вооруженных сил (ВС), вооружений и военной техники (ВиВТ) России, ее партнеров и союзников, и их использование в современных и будущих вооруженных конфликтах и войнах, главной целью которой является достижение политических целей с помощью применения или угрозы применения военной силы, а также обеспечения возможности решения задач национальной, государственной и международной безопасности.

Военная доктрина, по справедливому мнению некоторых экспертов, представляет собой идейный стержень всей военно-политической деятельности государства (военной политики), как одного из направлений общей политики государства, политических партий, общественных организаций и институтов. Военная доктрина затрагивает интересы всех государственных структур, всего общества и всех граждан.

Военная доктрина оказывает решающее влияние на **военное строительство** как систему мероприятий, в различных сферах (политической, экономической, духовной и др.) жизни нации и собственно военной области, направленных на развитие военной организации государства. При этом целесообразность и масштаб таких мероприятий определяется как развитием основных международных тенденций, так и особенностями национального развития, прежде всего в социально-экономической и научно-технической областях. Важно, чтобы оценка таких трендов не исходила из ведомственной, либо корпоративной логики, известной социологам как «практическая ло-

гика (ученых и научных коллективов) в подавляющем большинстве случаев определялась стремлением обеспечить своим институтам положение господствующей организации»⁴. Которая, к сожалению, активно присутствует в общественно-политической и научно-конструкторской жизни России.

Кроме того, надо исходить, что если военная доктрина — «идейный стержень» общей политики, то предполагается, что намерения государства объявляются открыто. В военной доктрине не должно быть каких-либо закрытых разделов, разработка военной доктрины не может производиться определенной группой лиц в отрыве от общественности и военно-научных кругов, а тем более окончательно формулироваться в закрытых документах;

- **«национальная безопасность»** — такое состояние нации, государства общества и личности, которое характеризуется степенью сохранения национальной идентичности, системы национальных ценностей и защиты национальных и государственных интересов. Высокий уровень национальной безопасности обеспечивает максимально благоприятные внешние условия для развития нации, а также гарантирует внутривнутриполитическую стабильность;
- **«государственная безопасность»** — состояние государства и его институтов, которое характеризуется уровнем защиты государственных интересов, суверенитета и институтов управления государством;
- **«военная сила»** — один из инструментов политики, который используется, как правило, после того, как другие политические инструменты показали свою неэффективность;
- **«международная безопасность»** — такое состояние, при котором отсутствуют не только войны и военные конфликты, но и явные — военные и иные угрозы для наций, государств и всего человечества.

Военная доктрина современного государства обязана рассматривать не только вопросы, относящиеся к военной политике, военному строительству и военному искусству, но и вопросы, имеющие косвенное, не прямое отношение к военной организации государств и военно-политических коалиций влияющих на эффективность и целесообразность использования военной силы.

Современная военная доктрина государства является производной, следствием внутренней и внешней политики государства и не может рассматриваться отдельно вне связи с общей политикой страны, состоянием экономики и общества. Особенно важное значение для военной доктрины имеют национальные научные, образовательные и технологические возможности, определяющие качество национального человеческого капитала (НЧК), выражающееся в том числе в качестве личного состава военнослужащих и в качестве вооружений и военной техники (ВиВТ).

Национальная, государственная и международная безопасность: значение и роль военной доктрины

Понятие «национальная безопасность» получившее широкое распространение... и употребляемое в самых различных контекстах, стало размытым и словно потеряло свой объект⁵.

В. Каламанов

Если говорить коротко, то военная доктрина — система официально принятых в обществе взглядов на значение роли Вооруженных Сил в обеспечении национальной, государственной и международной безопасности. В различные периоды времени это значение⁶ и роль⁷ могут меняться — от абсолютизации военной силы до ее недооценки, — но в любые исторические периоды они отражают систему доминирующих взглядов элиты, которая несет на себе изначально субъективный отпечаток.

Развитие событий после Второй мировой войны показало, что роль военной силы в международных отношениях не является чем-то раз и навсегда заданным. Она зависит как от ее собственных качественных и количественных характеристик (пример тому — появление ядерного оружия с его иррациональной разрушительной силой), так и от системы международных отношений.

В самом общем плане сложились два принципиально разных представления о формирующейся в 90-е годы системе международных отношений и, соответственно, роли в ней военной силы. Первое исходит из того, что после краха биполярной системы мир распадается на некие крупные образования или общности, которые в цивилизационном, культурном и политическом отношениях все больше расходятся друг с другом и потому рано или поздно столкнутся в ожесточенных противоречиях и конфликтах. Наиболее известная концепция такого рода принадлежит крупному американскому ученому С. Хантингтону. Он охарактеризовал будущую мировую политику как столкновение цивилизаций, отличающихся друг от друга языком, историей, религией, традициями, институтами и субъективной самоидентификацией людей. «Мировая политика, — писал Хантингтон, — вступает в новую фазу... основной источник конфликтов в новом мире будет порожден не идеологией или экономикой, а главным образом различиями в культуре. Национальные государства останутся самыми мощными силами в мировых делах, и наиболее важные конфликты будут происходить между нациями или их группами, принадлежащими к различным цивилизациям. Линии разлома между цивилизациями станут в будущем горячими точками». Если эта версия справедлива, то тогда военная сила, может быть, не только вернется к своей традиционной роли, но, возможно, даже приобретет новое, более важное значение.

Другое видение будущих международных отношений основано на концепции американского фи-

лософа Ф. Фукуямы. По его мнению, возникает универсальная цивилизация, охватывающая важнейшие регионы земного шара, основанная на торжестве либеральных ценностей, присущих западному обществу. «...Трудно избавиться от ощущения, — писал Фукуяма в своей знаменитой статье «Конец истории», — что во всемирной истории происходит нечто фундаментальное... На наших глазах в двадцатом веке мир был охвачен пароксизмом идеологического насилия, когда либерализму пришлось бороться сначала с остатками абсолютизма, затем с большевизмом и фашизмом и, наконец, с новейшим марксизмом, грозившим втянуть нас в апокалипсис ядерной войны. Но этот век, вначале столь уверенный в триумфе западной либеральной демократии, возвращается теперь, под конец, к тому, с чего начал: не к предсказывавшемуся еще столь недавно «концу идеологии» или конвергенции капитализма и социализма, а к неоспоримой победе экономического и политического либерализма». Если прав Фукуяма, то военная сила неизбежно будет терять свое значение — она будет применяться лишь за пределами «либерального мира», в тех частях планеты, которые остаются вне зоны торжества цивилизации, основанной на либеральных принципах.

Возникают естественные вопросы: какая концепция — столкновения цивилизаций, многополярного мира или конца истории — адекватна реальностям мирового развития? Будет ли в мире в XXI в. воспроизводиться европейский баланс сил XVIII–XIX вв.? Эти вопросы отнюдь не просты, и пока на них вряд ли можно дать однозначные ответы⁸.

Развитие человечества в последнее десятилетие показало, что господствующей тенденцией остается тенденция, описанная С. Хантингтоном, а именно: ведущие мировые центры силы — США, Евросоюз, Китай не просто защищают свою систему ценностей, но и развивают ее, навязывая ее нередко с помощью силы другим странам. Нередко военная сила выступает в такой политике в своей прямой форме, но всегда обеспечивает косвенное, политическое прикрытие для использования других форм силового давления (гуманитарных, экономических, финансовых, информационных и т.д.).

Значение военной силы остается по-прежнему большим, но ее направленность меняется. Если главной целью, объектом прежде было государство, то сегодня им становится нация и общество, цивилизация. Военная сила «расползается» на смежные области: гуманитарные, технологические, информационные

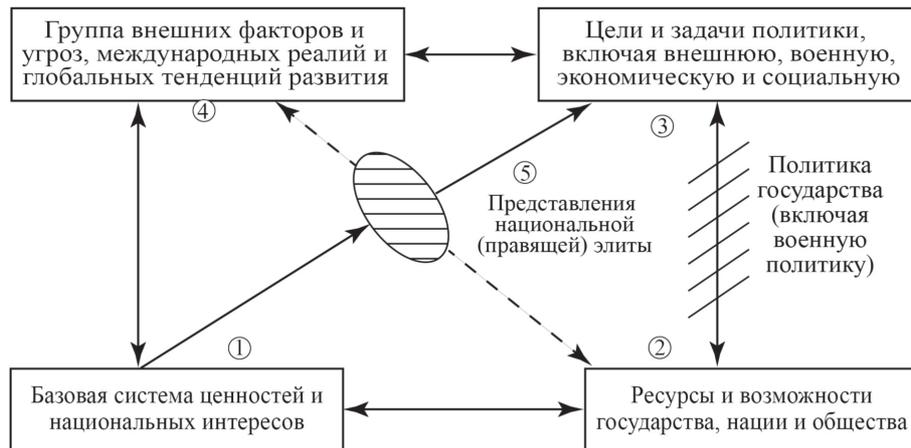

Рис. 3.

и на иной **пространственный** охват — космос, морские ТВД, отдельные регионы (АТР, Арктика) мира.

Меняется и роль военной силы. Прежде всего с точки зрения **расширения** ее ограниченного множества действий: стремительно меняются средства, формы ее воздействия и системы ВиВТ, появляются новые, в т.ч. качественно новые формы использования военной силы — массовое применение ВТО, кибероперации, гиперзвуковые средства поражения, ударные беспилотники, системы ВКО и т.д.

Для того чтобы избежать субъективности (иногда до нелепости несоответствующей реалиям) при анализе значения и роли военной силы требуется выделить объективные параметры и критерии, которые не зависят от частных представлений правящей элиты и экспертного — военного и гражданского — сообщества, т.е. предложить модель военной доктрины (системы взглядов) государства. Такая модель, учитывая то об-

стоятельство, что собственно военная сила является **одним** из политических инструментов, является по определению производной, частной от общей модели поведения государств в мире. В упрощенном виде она выглядит следующим образом (рис.3)

Как видно из рисунка, предлагаемая модель исходит из того, что политика государства и ее часть — военная доктрина государства — находится под непосредственным влиянием трех групп факторов, анализ которых необходим для того, чтобы минимизировать как субъективные представления, так и влияние второстепенных факторов.

Первая группа внешних факторов (Группа № 4):

- политические;
- цивилизационные;
- военные;
- технологические;

Матрица внешних факторов влияния на политику и военную доктрину России (пример)

Основные тенденции мирового развития (в порядке приоритета)	Вероятные угрозы России	2020 г.	2030 г.	2050 г.
1. Изменение в соотношении сил в мире, формирование новых центров силы	Отставание в темпах роста ВВП России (2,5%) от среднемировых	2,5%	2,5%	2,5%
— КНР	— создание экономического гиганта — КНР	8–9%	8–9%	8–9% (более 50% мирового ВВП)
— ТТП	— создание изолированного от России рынка и центра силы АТР			
— ТАП	— создание политического и центра силы в Атлантике и Европе			
— Евросоюз				
2. Рост значения НЧК				
— качество л/с ВС	— отставание от качества л/с ВС			
— технология	— отставание в качестве ВиВТ			
— ВиВТ	— отставание в эффективности ВиВТ			
— общественных институтов	— отставание в эффективности государственного и общественного управления			
3. Совершенствование концепций военного управления и использования ВС и ВиВТ	Отставание в эффективности военного управления			

- экономические;
- социальные и др.

Эта группа внешних факторов, объединенных общим **видовым** (внешним) признаком, делится, как видно, на внешние родовые группы, требующие дальнейшей детализации. Так, нельзя говорить только о внешнем политическом влиянии вообще (оно может и чаще всего бывает) прямо противоположным. Как нельзя игнорировать и другие группы внешних факторов и их видовые характеристики.

Целесообразно поэтому детализировать и максимально формализовать основные факторы внешнего влияния в некую матрицу, с помощью которой можно сделать более детальный качественный анализ политики государства и ее составной части — военной доктрины. Эта матрица может быть формализована по целому ряду содержательных, временных и иных параметров.

Также важно оценить правильно **степень влияния** внешних факторов на другие базовые группы факторов — Группу № 1 (Систему базовых ценностей и национальных интересов) и Группу № 3 (Цели и задачи политики). В частности, степень влияния группы внешних факторов (Группа № 4) на систему базовых ценностей в последние годы резко усилилась. Нередко даже за счет ослабления влияния на находящиеся в той же группе национальные интересы: государства сегодня больше заинтересованы воздействовать на изменение чужой системы ценностей — «права человека», «демократия», «социальные меньшинства» и т.д., чем на реальную политику.

Среди влиятельных силовых внешних факторов, оказывающих значительное воздействие на политику государства, выделяется подгруппа факторов, которые получили название «мягкой силы». Можно выделить некоторые особенности этой подгруппы факторов, которые имеют не только косвенное, но и прямое отношение к военной доктрине государства и силовой политике. К их числу в ОДКБ относят следующие методы воздействия⁹:

Подгруппа внешних факторов влияния, относящихся к «мягкой силе»	Вероятные угрозы	2020 г.	2030 г.
– политические	(по оценке ОДКБ): «полная дезинтеграция государства, смена власти и установление контроля над страной»		
– информационные			
– коммуникационные			
– морально-психологические			

Следует подчеркнуть, что главным объектом воздействия является политическая элита и органы высшего государственного управления, поэтому границу между военными и невоенными силовыми средствами воздействия провести трудно, если вообще возможно.

Группа внешних факторов оказывает решающее влияние на группу факторов, в которой объединены

политические цели и задачи. Причем, чем сильнее государство, тем это влияние слабее. Очевидно, например, внешняя среда влияет в разной степени на США и Грузию. Так, внешние факторы (в данном случае политика Евросоюза), безусловно влияла на позицию Украины по вопросу евроинтеграции. Причем достаточно последовательно, ориентируясь на конкретные приоритеты и цели:

1. Приоритеты в политике стран Евросоюза:

- а). Не расширяя НАТО и ЕС, создать «второй эшелон» стран, **выведа их из-под влияния России** (пример с Белоруссией в вопросах «прав человека», политика публично «не замечать» разницы в подходах);
- б). Не допустить интеграции Украины и России, объединение которых стало бы новой **геополитической реальностью** в мире. Вопрос в том, какую цену готовы заплатить в ЕС?
- в). «Продвижение» (навязывание) европейской системы ценностей, заменяя **ценностную систему** у постсоветской элиты и общества: лозунги «европейского вектора»; и т.п.
- г). **Препятствовать развитию** интеграционных процессов, превращающих Россию в «центр силы» в Европе;
- д). **Формирование военно-политических коалиций** в Евразии. Развитие ТТП/ТАП. **Особая роль Воздушно-космической обороны (ВКО).**

2. Влияние на интеграционную политику:

- а). Элиты Армении, Казахстана, Белоруссии во многом были дезориентированы политикой «разновекторности» России. Определённость России во многом скорректировала это отношение;
- б). В России идёт процесс осознания реалий того, что у интеграции в основе лежат интересы **безопасности и системы ценностей**;
- в). Европейская интеграция должна иметь ясное **военно-политическое измерение**, от оценки которого нельзя уходить;
- г). Гуманитарная составляющая: «мягкая сила», невоенные факторы становятся приоритетом Евросоюза (переписывание истории, переоценка событий и т.д.).

В итоге оказалось, что в конце 2013 года влияние внешнего фактора — политики России — оказалось сильнее, чем влияние политики Евросоюза, что, безусловно, сказалось и на позиции руководства Украины, которое «заморозило» соглашение об ассоциации.

И наоборот — формулируемые правящей элитой цели и задачи зависят от относительного влияния того или иного государства. Так, обладая 2,5% мирового ВВП, Россия может оказывать влияние на события в мире, значительно слабее, чем, например, США, чей ВВП в 10 раз больше российского. В технологической области, где сопоставление уже не 10:1,

а 100:1, это влияние России практически незаметно, а американское (в силу технологического лидерства США) значительно выше, чем в экономике.

Очевидно, что во многом влияние России в мире объясняется сохраняющимся статусом великой державы, обладающей ядерным оружием, территориями, геополитическим положением, природными ресурсами и национальным человеческим капиталом (НЧК), однако эти факторы во многом ослаблены социально-экономическим и технологическим отставанием.

Наконец, внешняя группа факторов опосредованно влияет на группу факторов (№ 2), включающих ресурсы и возможности государства и нации. Так разрушая базовую систему национальных ценностей, уничтожаются или ослабляются такие важнейшие национальные ресурсы, как идеология (что хорошо видно на примере России), моральный дух, неэффективно используются природные ресурсы, разрушается наука и образование, в целом НЧК и др.

Глобализация объективно влияет на важнейшую группу факторов, определяющих национальную политику, — систему, «базовых ценностей и национальных интересов». Обратное влияние также существует, но оно во многом определяется значением того или иного государства в мире, его мощью, способностью и готовностью продвигать свою систему ценностей и защищать (навязывать) свои национальные интересы. В этом случае происходит подмена объективных процессов глобализационного влияния на субъективные, когда за глобальные процессы выдаются процессы продвижения системы национальных ценностей и интересов того или иного ведущего государства. Именно это происходит с США, которые продвигают свою систему ценностей (подменяя национальную) под прикрытием «объективных» глобальных процессов. Это влияние группы факторов (№ 4) на подгруппу ценностных факторов (№ 1) можно выразить в следующей матрице (табл. 1).

Особое значение в современных условиях группа внешних факторов оказывает на важнейшую подгруппу «национальные интересы» с точки зрения их интерпретации правящей элитой страны. Это влияние в глобальном мире усиливается и оказывается

Табл. 1.

Глобальные международные факторы влияния	Национальная система ценностей
1. Глобализация информации	Замена национальных информационных ресурсов на глобальные, находящиеся под контролем государств-лидеров
2. Глобализация финансовой системы	Вытеснение национальной финансовой системы
3. Мультикультурализм	Замена национальной системы культурных ценностей
4. Секуляризм	Вытеснение традиционных духовных ценностей

неравномерным на разные категории национальных интересов, которые можно формализовать в следующей матрице: (табл. 2).

Влияние внешних факторов на формулирование целей, в том числе военно-политических задач может быть очень большим, а в ряде случаев даже решающим. Так, политика США в 90-е годы по отношению к России привела к неоправданным внешнеполитическим уступкам, ложным компромиссам и целям, которые не соответствовали национальным интересам России.

Отдельно следует сказать о том, что внешнее влияние на формулирование ложных целей и задач может привести к неадекватным решениям в использовании национальных ресурсов. Так, переоценка внешней угрозы может привести к излишней милитаризации экономики страны, ее изматыванию в гонке вооружений. И, наоборот, недооценка внешней угрозы — к ослаблению ОПК и военного потенциала. Именно это произошло в период руководства М. Горбачева — Б. Ельцина, когда недооценки внешней угрозы (во многом под влиянием Запада) привели к разрушению отечественного ОПК.

Вторая группа факторов (Группа № 3)

Состоит из важнейших (в порядке приоритетности) политических целей и задач, стоящих перед нацией и страной. На эту группу решающее влияние оказывают как внешние факторы (Группа № 4), так и группа факторов (Группа № 2), объединяющих

Табл. 2. Матрица группы факторов «национальные интересы»

Категории национальных интересов	Пространственный охват					
	глобальные		региональные		страновые	
	долго-срочные	кратко-срочные	долго-срочные	кратко-срочные	долго-срочные	кратко-срочные
Политические интересы						
Экономические интересы						
Военные интересы						
Гуманитарные интересы						
Культурные интересы						
Информационные интересы						

возможности и национальные ресурсы, а также субъективная группа факторов (Группа № 5) — представления правящей элиты нации и страны о современных, прошлых и будущих политических и иных реалиях. Иногда эта субъективная группа оказывает решающее влияние на целеполагание и постановку задач, игнорируя объективное влияние внешних факторов и факторов национальных ресурсов и возможностей. На какой-то период времени (как правило, относительно небольшой, 3–5 лет), эти ошибочные субъективные оценки могут привести к формулированию некорректных и даже ложных целей и задач, не соответствующих объективным реалиям. В истории любой страны есть такие примеры, но наиболее катастрофические примеры в современной истории связаны с неадекватностью действий М. Горбачева и Б. Ельцина.

С точки зрения формулирования современной военной доктрины, как части группы факторов, объединенных в национальные цели и задачи (Группа № 3), очень важна точная формулировка и приоритетность целей и задач, именно от этого во многом

зависит безопасность государства, в том числе и в долгосрочной перспективе.

Особенное значение сказанное имеет для программ военного строительства, чей цикл охватывает десятилетия.

Группа субъективных факторов (Группа № 5) имеет огромное значение для определения характера, масштабов и вероятности будущих угроз правящей элитой страны. Военная доктрина, фиксирующая эти оценки, — продукт влияния прежде всего этой группы факторов, в сильной степени зависящей от политико-психологических, исторических, экономических и иных особенностей. Субъективные оценки группы внешних факторов (Группы № 4) и национальных ресурсов (Группы № 2) очень сильно, иногда решаяще сказываются на формировании национальных целей и задач. Это наиболее трудная задача стоящая перед экспертами и политиками, которые во многом находятся под идеологическим (даже если это и не признается) цивилизационным влиянием извне. К сожалению, есть немало примеров, когда это влияние лежит в области преступлений.

Табл. 3. Внешние факторы идеологического влияния

Закономерности международных отношений	Реализм и неореализм	Неолиберализм	Неомарксизм	Положения, разделяемые в той или иной мере всеми парадигмами
Основная тенденция современного этапа международных отношений	Ничего нового от Фукидида и до наших дней движущим мотивом международной политики остаются национальные интересы, а существом международной политики — борьба за власть и силу	Возрастание взаимозависимости мира и, соответственно, значения совместных интересов и ценностей	Усиление «несимметричности» взаимозависимости и вытекающая из этого борьба между «периферией» и «центром» мир системы	Усиление системного характера вызовов и угроз, с которыми сталкивается сегодня человечество
Акторы	Главным международным актором, определяющим характер международных отношений, остается государство	Рост числа и многообразия международных акторов и связанная с этим фрагментация МО	Государства становятся проводниками интересов мир экономики, находящейся под определяющим влиянием наиболее развитых стран Запада во главе с США	Рост числа и многообразия международных акторов при ведущей роли государства и связанная с этим фрагментация МО
Регулирование международных отношений	Сила и баланс сил — главный регулятор МО	Рыночные механизмы (спрос, конкуренция...) как регулятор МО. Возрастание роли права и международных институтов в регулировании МО и связанная с этим их демократизация	Основной регулятор — борьба «государств (и регионов) — классов»	Роль демократических институтов, международного права и рыночных механизмов растет. Но важнейшими регуляторами международных отношений остаются власть и сила (в ее разных измерениях)
Роль структурных факторов международной системы	Детерминирующая роль международной системы и ее структуры в поведении государств (неореализм)	Усиление роли экономики в трансформации мировой системы и связанная с этим глобализация	Определяющая роль мировой экономики в МО и связанная с этим глобализация	Растущая роль экономики в международной системе

Существующие сегодня точки зрения на закономерности международных отношений могут быть представлены в виде следующей схемы¹⁰ (табл. 3).

К сожалению, и сегодня некоторые политики и эксперты полагают, что в ближайшие 15–20 лет России никто не будет угрожать, а значит, следуя до конца их логике, оборонные усилия России вообще не нужны или, как минимум, ведут к пустой трате ресурсов. При этом абсолютно игнорируется мировой опыт и существующие реалии, например, относительно применения военной силы против террористов. Так, изучив борьбу 13 государств с 20 террористическими группами, ректор Университета Сент-Эндрюс Л. Ричардсон и ее исследовательская группа пришли к следующему выводу: правительства постепенно учатся на своих ошибках и везде в конце концов находят эффективные способы победить терроризм... в разных обстоятельствах

и в разных странах, наиболее эффективными могут оказываться различные стратегии, для достижения долгосрочного результата важно сочетать умиротворение и принуждение. Для эффективного принуждения важны хорошая разведка, координация действий различных спецслужб и адресное, выборочное применение силы¹¹.

Подобный подход к военной силе в последние годы нанес катастрофический ущерб способности страны военными средствами обеспечивать свою безопасность. Отразился этот подход, безусловно, и на военной доктрине страны, которая (не будучи принятой официально до 2000 г.) существовала в виде набора отчасти устаревших, а отчасти и ложных положений. Именно поэтому правящей элите в России изначально важно определиться, какое значение она придает военной силе в своей политике и какую роль она будет играть в будущем.

Место Стратегии национальной безопасности, военной доктрины России и планов военного строительства в Национальной стратегии России

Настоящая Стратегия является базовым документом по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности...¹².
Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года

Изначально принципиально важно установить взаимосвязь между такими ключевыми понятиями, как

- национальная стратегия России;
- стратегия национальной безопасности;
- военная доктрина России;
- планы военного строительства;
- бюджетная политика государства.

Основная проблема заключается в том, что не существующая формально, в нормативном документе, Национальная стратегия подменяется Стратегией национальной безопасности, хотя между ними существует сегодня принципиальная разница.

Национальная стратегия — это общий, не детализированный долгосрочный **план** действий, направленный на достижение общенациональной цели, предусматривающий разработку максимально эффективного способа использования национальных ресурсов.

Таким образом, в отличие от государственной стратегии, национальная стратегия это стратегия **всей нации**, всего общества и его институтов, а не только государства, как одного из институтов нации и общества.

Во-вторых, это некий общенациональный долгосрочный план, неизбежно предусматривающий как точное описание цели, так и ее конкретизацию в задачах. Этот план предполагает формулирование некоего

идеального «образа будущего» в виде цели для всей нации. Причем цели в долгосрочной перспективе.

В-третьих, стратегическая цель и образ «желаемого будущего» невозможны без стратегического прогноза — попытки представить себе будущее состояние нации, государства и других, в т.ч. международных акторов.

В-четвертых, национальная стратегия предусматривает разработку **собственно способов** достижения этих целей при наиболее эффективном использовании национальных ресурсов. Причем именно национальных, а не только государственных ресурсов. Так, если допустить, что бюджет государства составляет порядка 20% ВВП, т.е. через государственные институты распределяется одна пятая национального дохода (и используется в государственной, в т.ч. бюджетной стратегии), то остальные четыре пятых — та часть национального дохода, которая государством не используется, но может быть использована всей нацией при определенных условиях.

В узком смысле этого понятия национальная стратегия имеет дело с общенациональными целями и ресурсами, занимаясь поиском достижения таких целей за счет максимально эффективного использования ресурсов.

В более широком и, соответственно, точном представлении, Национальная стратегия близка к понятию

Национальная стратегия

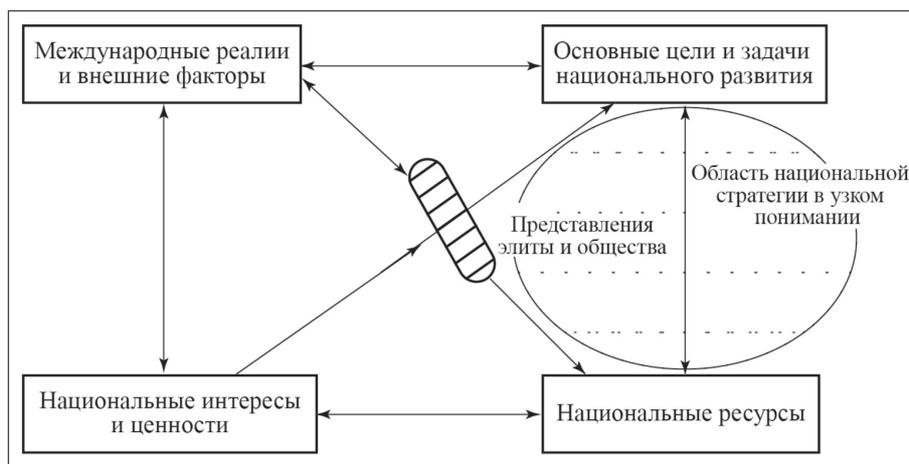

Рис. 4.

«идеология» как системе взглядов элиты и общества на более широкий круг факторов, влияющих как на формирование целей Стратегии, так и на использование национальных ресурсов. Причем в этом более широком и правильном понимании особое значение имеет группа факторов, относящихся к категории «системы национальных ценностей и интересов» (рис. 4).

Национальная стратегия (идеология) — движение, определяемое в короткое время элитой, по точному азимуту к конкретной цели. Когда она существует, то стратегия (маршрут) такого движения уже принципиально не имеет значения: можно на время отклониться от курса, сделать паузу (привал), даже вернуться назад, двигаться на отдельных участках (где позволяют условия) медленнее или быстрее и т. д. В конечном счете вы достигнете цели — той, которую вы обозначили¹³.

Если у вас нет идеологии (азимута движения), то вы можете двигаться быстро, даже очень быстро, но... в неверном направлении, либо бесконечно менять направление движения, либо конечные цели и т. д. Что, собственно говоря, и происходит в современной России. Так, модернизация, заявленная высшим приоритетом, в 2007–2013 годы рассматривалась преимущественно как заимствование технологий из-за рубежа, тогда как модернизация — это прежде всего создание институтов развития человеческого потенциала и создания качественно нового продукта (услуги), а в целом — общества, способного массово генерировать и внедрять идеи и технологии собственными силами. Как заявил безусловный авторитет в этой области Л. Грэхем, «...лидеры России, от Петра Великого до современности, повторяют ту же самую ошибку. Они думают, что самое важное — заполучить технологии. Но это не самое важное. Самое важное — создать общество, в котором технологии могут развиваться. И проблема не в русской науке и технике — они очень хорошие, — проблемы в обществе, которое не может воспринять эти инновации и сделать на их основе что-то выгодное для себя самого»¹⁴.

В действительности все последние 25 лет — от М. Горбачева до Д. Медведева и В. Путина — правящая российская элита боялась и боится сформулировать идеологию. Отсюда и отсутствие внятной стратегии, ошибки в целеполагании, методах и средствах достижения поставленных целей. «Прагматизм», «ручное управление», «деидеологизация» не могут заменить идеологию. Так же, как тактические решения не могут заменить стратегию.

Сегодня это самое слабое место в политике российской правящей элиты, которая не только формулирует ложные цели национального развития, но и не способна предложить эффективные пути их достижения. Это и есть уровень понимания правящей элитой существа модернизации, из которого «выросла» стратегия модернизации страны. Абсолютно неэффективная, а временами даже вредная.

Военная доктрина РФ является производной от Стратегии национальной безопасности России и должна являться **производной частью** Национальной стратегии (которая пока не оформлена каким-то нормативным документом), что не означает, однако, о ее полного отсутствия.

В целом ряде выступлений В. Путина в последние годы намечены контуры такой Стратегии и основы будущей идеологии. Даже если и не признавать права на ее существование.

Не случайно в 2013 году в России развернулась масштабная дискуссия о необходимости общенациональной идеологии, противники которой апеллировали к существующему запрету в Конституции РФ на государственную идеологию. Более того, они полагали, что «... Конституция стала... **юридически оформленным общенациональным проектом — проектом строительства новой России** (подч. авт.)»¹⁵.

Такая попытка замены Конституцией Стратегии национального развития и общенациональной идеологии, безусловно, неправомерна. Конституция, как и любой правовой акт, лишь отражает существовавшие реалии (в данном случае реалии 1993 года

во всем их противоречии — от абсолютизма Б. Ельцина до кровавого переворота октября 1993 и насильственно-искусственной приватизации). Причем, это отражение всегда:

- неточное, неадекватное, искаженное;
- запоздалое, отставшее;
- неполное.

Не может служить в качестве Национальной стратегии и Стратегия национальной безопасности до 2020 года, утвержденная Указом Президента России 12 мая 2009 года, не является ни Национальной стратегией, ни доктриной, оставаясь малоизвестным и необязательным для исполнения нормативным симулякр¹⁶, охватывающим только часть проблем и задач, преимущественно относящихся к «новой государственной политике в области национальной безопасности»¹⁷.

Принципиально важно поэтому выделить «нижние», фундаментальные этажи, которые являются основой как для Стратегии национальной безопасности (которая ограничена в реальности Стратегией государственной безопасности), так и Военной доктрины России. Так, хотя существующая Стратегия определяется как «официально признанная система приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства (?) на долгосрочную перспективу»¹⁸, в действительности она сводится к решению «главной задачи» — формированию и поддержанию силами обеспечения национальной безопасности внутренних и внешних условий, благоприятных для реализации национальных приоритетов»¹⁹. Далее по тексту (Раздел III) конкретизируются как важнейшие национальные интересы, так и стратегические национальные приоритеты (Статьи 21–24 Стратегии), которые изложены следующим образом²⁰:

21. **Национальные интересы** Российской Федерации на долгосрочную перспективу заключаются:

- **в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики;**
- **в обеспечении** незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации;
- **в превращении** Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира.

22. Внутренние и внешние суверенные потребности государства в обеспечении национальной безопасности реализуются через **стратегические национальные приоритеты**.

23. Основными приоритетами национальной безопасности Российской Федерации являются **национальная оборона, государственная и общественная безопасность**.

24. Для обеспечения национальной безопасности Российская Федерация, наряду с достижением основных приоритетов национальной безопасности, сосредоточивает свои усилия и ресурсы на следующих **приоритетах устойчивого развития**:

- **повышение качества** жизни российских граждан путем гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспечения;
- **экономический рост**, который достигается прежде всего путем развития национальной инновационной системы и инвестиций в человеческий капитал;
- **наука, технологии**, образование, здравоохранение и культура, которые развиваются путем **укрепления роли государства** и совершенствования государственно-частного партнерства;
- **экология живых систем** и рациональное природопользование, поддержание которых достигается за счет сбалансированного потребления, развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны;
- **стратегическая стабильность** и равноправное стратегическое партнерство, которые укрепляются на основе активного участия России в развитии многополярной модели мироустройства.

Думается, однако, что как приоритетность национальных интересов, так и перечень стратегических национальных приоритетов вызывает много вопросов и уточнений. Тем более, что широкого экспертного и общественного обсуждения Стратегии, как известно, не было: она явилась результатом аппаратного труда, подготовленного сотрудниками Совета Безопасности при Президенте РФ, т.е. носит частный характер.

Так, например, важнейший (первый из трёх) национальных интересов обозначен как «развитие демократии и гражданского общества, повышение конкурентоспособности национальной экономики»²¹. Но демократия — лишь одна из форм государственного и общественного устройства, представляющей собой в конечном счете лишь **средство**, а не интерес (синоним — реальная потребность) и, тем более, не цель развития²². Это вполне относится и к гражданскому обществу. Тем более нельзя понятие «конкурентоспособность» относить к важнейшему национальному интересу²³. Просто потому, что конкурентоспособность — это способность превосходить других конкурентов в чем-то²⁴, в том числе в экономике, отнюдь не означает самостоятельную ценность — нельзя везде и во всем превосходить других, а иногда и совершенно не нужно. Так, вряд ли целесообразно ставить себе целью, чтобы граждане России превосходили граждан Германии по количеству «Мерседесов» и т.д.

Таким образом, «главный интерес» выражен неверно, как минимум, спорно. Он не может стать ни главной целью, ни «образом желаемого будущего»

для всей нации, даже для ее большинства. Далеко не для всех ценности демократии и гражданского общества, а тем более конкурентоспособности, являются приоритетными.

Однако Национальная стратегия должна выражать долгосрочные приоритетные интересы и ценности, разделяемые всей нацией и обществом. Иначе сформулированные интересы останутся формальными, закрепленными на бумаге нормами, не разделяемыми всей нацией.

Тем более не может быть главным интересом (вторым по приоритетности) интерес «обеспечения неизменности конституционного строя»: как сами Конституция, так и порядок ее принятия вызывают сомнения у значительной (иногда считают, что более 50%) части нации. Другое дело, что вторая часть национального интереса — «территориальная целостность и суверенитет государства» — являются самоценностными для нации, которая по определению, формируется и проживает на определенной территории и в определенном государстве (даже если оно и называется по-разному: Киевская Русь, Московское государство, Российская империя, СССР, Российская Федерация).

Наконец, третий приоритетный национальный интерес — «превращение России в мировую державу» в целях (внимание!) «поддержания стратегической стабильности» вряд ли можно назвать бесспорным. **Во-первых**, потому, что Россия уже является мировой державой и эти атрибуты — географическое положение, площадь территории, ресурсы, членство в Совете Безопасности ООН, наличие ядерного и военного потенциала и т.д. — у нее никто не отнимет. Другое дело, что по иным критериям — объему и качеству ВВП, уровню технологий, душевому ВВП, уровню науки, образования, здравоохранения, продолжительности жизни и т.д. Россия отстает в последние десятилетия от других стран. Но именно об этом отставании и не говорится, хотя говорить, безусловно, надо.

Во-вторых, целью «величия» России заявляется сохранение стратегической стабильности, что на практике является дезориентацией: от России и ее возможностей крайне мало зависит влияние на основные дестабилизирующие факторы, например, соотношение экономических сил США и КНР, развитие их технологических и иных возможностей.

Но не только национальные интересы, сформулированные в Стратегии (п. 21), вызывают серьезные сомнения и возражения. Аналогичное отношение вызывают и формулировки стратегических национальных приоритетов (пп. 22–24), в частности, выделение трех — национальной обороны, государственной и общественной безопасности. Так, в частности, говорится о «следующих приоритетах устойчивого развития», которые в Стратегии относятся к основным приоритетам национальной безопасности²⁵:

- повышение качества жизни...
- экономический рост...

- наука, технологии: образование, здравоохранение и культура ...
- экология живых систем...
- стратегическая стабильность...

Требуются, безусловно, уточнения, без которых «приоритеты устойчивого развития» превращаются в ложные приоритеты. Так, если говорить о повышении качества жизни²⁶ «путем укрепления личной безопасности и повышения стандартов жизнеобеспечения», то качество жизни определяется отнюдь не только этими критериями. «Объективистские», субъективные характеристики очень сильно влияют на этот показатель, но, главное, он вообще **не относится к нации и стратегии ее развития**. У каждой нации свое представление о качестве жизни и счастье. Так, в королевстве Бутан, например, есть Министерство счастья, а его достижение заявлено в качестве главной цели в Конституции страны.

Применительно к России, правильнее бы было говорить об увеличении возможностей для личности к самореализации (экономических, культурных, социальных, иных) **вместе с нацией**, не противопоставляя личные интересы (в т.ч. повышения качества жизни) национальным и общественным, как это, к сожалению, происходит сегодня.

Другой, правильный, но не вполне четкий приоритет — «экономический рост...», обеспеченный прежде всего развитием национальной инновационной системы и инвестициями в человеческий капитал», — требует уточнений:

- во-первых, не экономический рост, а экономическое развитие. Разница принципиальная, которая отражается прежде всего на структуре ВВП нации;
 - во-вторых, приоритеты инвестиций в инновационную систему и человеческий капитал должны быть четко связаны с приоритетами экономической, финансовой и бюджетной политики, которые сегодня **не отражают** этого приоритета Стратегии;
 - в-третьих, приоритеты развития человеческого капитала, как главного инструмента экономического развития, должны включать не только приоритет инвестиций, но и политические, административные, идеологические приоритеты;
 - наконец, в-четвертых, сам по себе человеческий капитал играет большое, но не решающее значение в экономическом развитии, где решающую роль выполняет не абстрактный индекс (ИРЧП), а конкретный показатель национального человеческого капитала (НЧК).
- Уточнений и корректировок требуют и другие приоритеты и интересы Стратегии, что говорит о необходимости:
- во-первых, ее существенного пересмотра и корректировки;
 - во-вторых, широкого экспертного и общественного обсуждения;

Рис. 5.

— в-третьих принятия ее не в форме Указа, а в форме Федерального Закона РФ, подразумевающего в том числе обязательного для ее соблюдения всеми ветвями власти, способов контроля и мерами наказания за ее нарушения для соответствующих должностных лиц.

Так как Военная доктрина России является частью и производным от национальной стратегии (не путать со Стратегией национальной безопасности), то неизбежно требуется предложить, как минимум рабочее, самое общее её толкование. На наш взгляд, в самом общем, концептуальном виде, она может быть представлена на следующем рисунке (рис. 5).

Как видно из рисунка, Военная доктрина так или иначе прямо зависит от главной цели и вытекающих из этой цели основных общенациональных задач. При этом как главная цель, так и основные задачи являются результатом **субъективного восприятия** объективно существующих национальных интересов (потребностей). Это означает, что субъективное восприятие правящим классом (и его элитой) объективных интересов (потребностей) может и даже неизбежно отличается от объективных реалий в тот или иной период времени. Причем, чем профессиональнее и нравственнее правящая элита, тем субъективное формулирование главной цели и основных задач будет адекватнее, своевременнее, точнее, тем меньше зависеть от конъюнктурных моментов и влияний.

Наконец, любой правовой акт или нормативный документ, как правило, фиксирует с некоторым опозданием сложившиеся реалии, а сама процедура его подготовки и принятия вносит новые субъективные моменты, которые отражаются (иногда значительно) на адекватности этого документа.

Таким образом, Военная доктрина России отражает основные фундаментальные положения Национальной стратегии (даже если такого норма-

тивного документа и не существует) в субъективном представлении правящей элиты. С той, либо иной степенью адекватности.

Наконец, Военная доктрина сама влияет на Национальную стратегию, ее главную цель и основные задачи, а также на планы и возможности использования всех национальных ресурсов. Так, нельзя говорить, что Военная доктрина зависит только от доли военных затрат в ВВП или бюджете страны, хотя этот показатель и очень важен. Национальные ресурсы включают в себя все природные, демографические, материальные, финансовые, нравственные и иные ресурсы, которые мобилизуются для решения задач, поставленных в Национальной стратегии.

Как видно из рисунка, например, Военная доктрина может влиять на такие основные задачи Национальной стратегии, как сохранение и развитие национальной системы ценностей, или опережающее развитие человеческой личности, или развитие общественных и государственных институтов.

Так, например, в среднесрочной перспективе решающее значение для эффективности использования Вооруженных Сил России будет иметь **качество личного состава**. Уже во Второй мировой войне стало ясно, что качество л/с (офицеров, сержантов, рядовых), их общий культурный уровень, образование, профессиональные навыки стали решающим фактором эффективности Вооруженных Сил. В еще большей степени значение этого фактора выросло к настоящему времени, но в будущем качество человеческого потенциала военнослужащего будет определять конечный результат применения военной силы на всех театрах военных действий.

Качество человеческого потенциала в конечном счете будет определять и качество ВиВТ: от уровня профессионального рабочего до конструктора и эксплуатационщика.

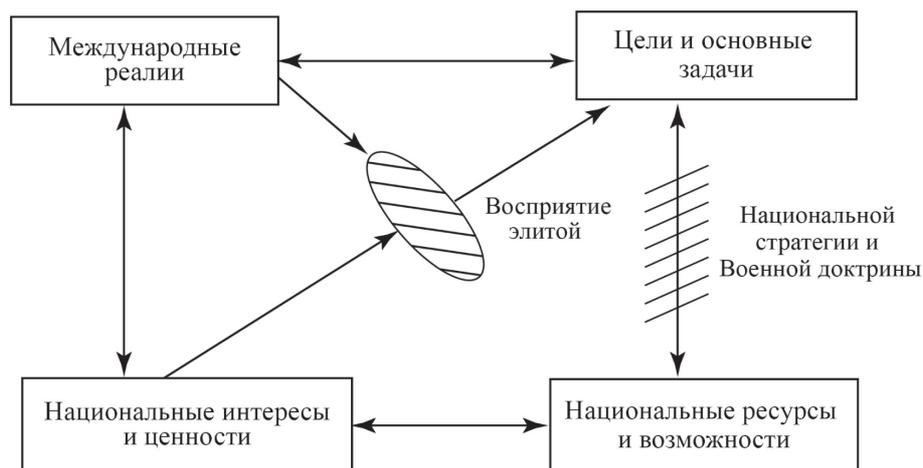

Рис. 6.

Сказанное означает, что происходит очень тесное «смыкание» собственно задач, формулируемых в Военной доктрине и задач, определяемых национальной стратегией. Например, задача опережающего роста, сформулированная в Национальной стратегии, означает в Военной доктрине резкий рост уровня образования л/с, нравственности и профессионализма. На практике это ведет к тому, что как и в современной обрабатывающей промышленности и в ОПК, где «к станку» ставятся люди с высшим образованием, в Вооруженные Силы придут также профессионалы с высшим специальным образованием. И не только летчики, как сейчас, но и артиллеристы, танкисты.

Соответственно уже сейчас требуется создание такой системы высшего профессионального образования в Вооруженных Силах, которая будет ориентирована на массовое замещение всех должностей специалистами с высшим образованием. Велика вероятность, например, что на все рядовые должности в конечном счете придут профессионалы с высшим образованием.

Подытоживая, можно сделать вывод о том, что главная цель и основные задачи Военной доктрины являются:

- во-первых, производными от Национальной стратегии;

- во-вторых, находятся в тесной взаимосвязи и взаимовлиянии;
- в-третьих, отражают субъективные представления правящей элиты страны о целях и задачах;
- в-четвертых, прямо зависят от масштабов и полноты выделяемых на цели и задачи Военной доктрины национальных ресурсов.

Отдельно следует сказать о влиянии на Военную доктрину внешних факторов и международных реалий, которые влияют на цели и задачи в разной степени, как прямо, так и опосредованно. Для этого необходимо вновь обратиться к рисунку, на котором отображена принципиальная схема Национальной стратегии (рис. 6).

Как видно из рисунка, на Национальную стратегию и Военную доктрину (ее цели, задачи и ресурсы) влияют:

- субъективные представления правящей элиты о национальных интересах и ценностях;
- международные реалии, влияющие на формулирование целей и задач, но также на саму элиту и на систему национальных интересов, т.е. фундаментальные факторы;
- опосредовано на национальные ресурсы и возможности.

Табл. 4. Рост влияния различных внешних факторов на формирование Военной доктрины

Характер влияния	Слабое	Среднее	Сильное	Очень сильное	Открытая угроза
Степень влияния					
Экономическое влияние					
Политическое влияние					
Военное влияние					
Информационное влияние					
Социальное					
«мягкая сила»:					
— образование;					
— наука;					
— культура;					
— духовность					

Степень этого влияния может быть очень разной и формировать самый широкий спектр факторов — от прямой угрозы войны до негативной политики в средствах массовой информации. Что может быть изображено в следующей матрице (табл. 4).

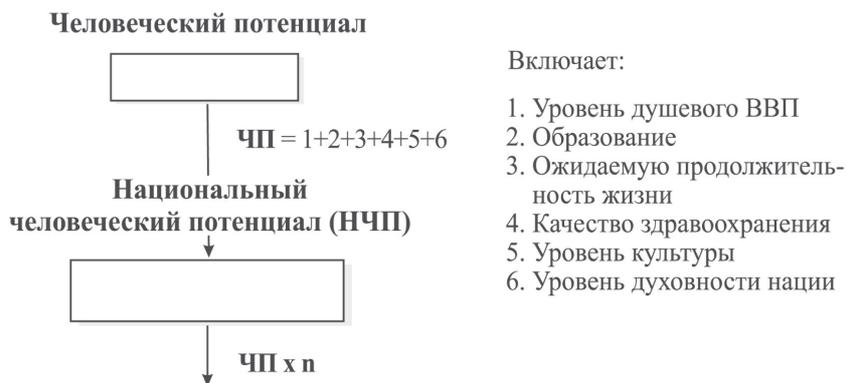
- Из матрицы видно, что **открытая угроза** может стать **следствием** развития какого-то фактора влияния, его перерастания через какое-то время в угрозу. Так, слабое экономическое влияние США на СССР в послевоенные годы переросло в ходе афганской войны в 80-е годы в **открытую угрозу** через поддержку оппозиции в Афганистане и через обвал цен на нефть;
- превращение фактора внешнего влияния в угрозу зависит от собственных **способностей и возможностей нашей страны**. Так, эмбарго Соединенных Штатов на закупки Советским Союзом наукоемких технологий были во многом болезненны для экономики СССР, но не критичны. Однако по мере увеличения отставания России от США по целым научно-техническим направлениям (которое привело, например, к тому, что области элементной базы электроники в ОПК мы зависим от внешних поставок, как минимум на 20–40%) угроза внешней технологической зависимости стала очевидной уже к началу нового столетия и превратилась в прямую зависимость России — ко второму десятилетию;
- существующие сегодня угрозы можно и нужно нейтрализовать или перевести в другую, менее опасную категорию влияния. Так, угроза национальной системе ценностей, активно нагнетаемая в Евросоюзе и НАТО, может быть нейтрализована достаточно просто: если нация, общество и государство перестанут ее игнорировать и не замечать, активизируют политику сохранения и развития собственной ценностной системы;
- будущие внешние угрозы можно достаточно четко прогнозировать, исходя из объективного анализа существующих современных факторов внешнего влияния. Так, относительно легко предположить, что технологическое превосходство США представляет сегодня фактор очень сильного влияния, но пока еще не перешедшего на стадию прямой военной угрозы. По различным оценкам, если ситуация будет развиваться так же как она развивалась до сих пор, это может произойти к 2020–2050 годам;
- наконец, критически важное значение для нарастания угроз и противодействия им, в том числе в военно-политической области, приобретают темпы развития национального человеческого капитала (НЧК) и институтов его развития. Причем этот вывод справедлив для всех областей — от экономики и «мягкой силы» до военно-политической. Такое «сквозное» положение значения НЧК становится сутью современного военно-политического противостояния, которые находят свое выражение прежде всего в возможностях ОПК, качестве личного состава Вооруженных Сил и качестве ВиВТ. Способность России опережающими темпами развивать НЧК

Табл. 5. Развитие мировой экономики, в долл. США, в ценах и по ППС 2008 г.*

	Общий объем ВВП, млрд долл.			Доля в мировом ВВП, %			ВВП на душу населения, тыс долл.		
	2008	2009	2010	2008	2009	2010	2008	2009	2010
ВСЬ МИР	69 698	69 560	71 930	100	100	100	10,4	10,3	10,5
РАЗВИТЫЕ СТРАНЫ	37 790	36 965	37 690	54,2	53,1	52,4	38,2	37,2	37,8
США	14 441	14 370	14 870	20,7	20,7	20,7	47,5	46,9	48,1
Япония	4 355	4 225	4 290	6,2	6,1	6,0	34,1	33,1	33,6
ЗОНА ЕВРО	10 899	10 535	10 620	15,6	15,1	14,8	33,4	32,3	32,4
ЕС 27	15 272	14 770	14 900	21,9	21,2	20,7	30,7	29,7	29,9
Германия	2 925	2 825	2 865	4,2	4,1	4,0	35,6	34,4	34,9
Франция	2 112	2 070	2 100	3,0	3,0	2,9	34,0	33,3	33,7
Италия	1 841	1 770	1 785	2,6	2,5	2,5	30,8	29,5	29,7
Великобритания	2 176	2 100	2 130	3,1	3,0	3,0	35,4	34,1	34,4
РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ	26 650	27 595	29 145	38,2	39,7	40,5	5,0	5,1	5,3
КНР	7 903	8 615	9 475	11,3	12,4	13,2	6,0	6,5	7,1
Индия	3 388	3 585	3 830	4,9	5,2	5,3	3,0	3,1	3,3
Бразилия	1 977	1 970	2 035	2,8	2,8	2,8	10,3	10,2	10,5
СТРАНЫ С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ	5 258	5 000	5 095	7,5	7,2	7,1	13,1	12,4	12,6
Россия	2 288	2 105	2 160	3,3	3,0	3,0	16,1	14,8	15,2

*Данные за 2009 и 2010 год рассчитаны по прогнозируемым нами темпам прироста ВВП и затем округлены

Принципиальная схема формирования национального человеческого капитала (НЧК)

Включает:

1. Уровень душевого ВВП
2. Образование
3. Ожидаемую продолжительность жизни
4. Качество здравоохранения
5. Уровень культуры
6. Уровень духовности нации

Еще в XVII веке родоначальник английской классической политэкономии В.Петти впервые предпринял попытку оценить денежную стоимость производительных свойств человеческой личности. По его методу «ценность основной массы людей, как и земли, равна двадцатикратному годовому доходу, который они приносят». Ценность всего населения Англии того времени он оценивал примерно в 520 млн фунта стерлингов, а стоимость каждого жителя в среднем 80 фунта стерлингов. Он отмечал, что богатство общества зависит от характера занятий людей и их способности к труду. Так, взрослого Петти оценивал вдвое дороже, чем ребенка, а «моряк в действительности равен трем крестьянам».

$$n = (n_1 - n_2) + (n_3 \times 10)$$

для России в 2010 году:

$$n = (70 \text{ млн} - 10 \text{ млн}) + (15 \text{ млн} \times 10) = 210 \text{ млн чел.}$$

где: n – число жителей страны, но оно состоит

из: n_1 – активное население (для России примерно 70 млн чел.), где его часть, примерно, 20% принадлежит к креативному классу;

n_2 – неактивное население (для России примерно 10 млн чел.);

n_3 – креативная часть общества (примерно 15 млн чел.).

10 – «коэффициент полезности» индивидуального человеческого потенциала

$У$ – степень реализации (от 0 до 1).

Национальный человеческий капитал (НЧК) это реализованный НЧП в экономической, научной и общественной деятельности. Он может составлять величину от 0 до 1 (минимум и максимум самореализации). Степень реализации прямо зависит от качества управления, качества общества и адекватности элит.

Национальное богатство в развитых странах состоит из:

1. НЧК – до 80%
2. Машины, оборудование, здания – 5–15%
3. Природные ресурсы – 5–15%

Рис. 7.²⁷

	Территория (тыс кв. км)	Население (млн чел.)	ВВП (ППС) (млрд долл.)	Душевой ВВП (ППС) (тыс долл.)
Бразилия	8547	193	1701	9,1
Мексика	1967	105,3	1171,5	11,2
Аргентина	2767	39,1	621	15,9
Колумбия	1139	45,6	378	8,1
Венесуэла	910	27,2	193,2	7,2
Россия	—	140,0	1400,0	14,5

означает возможность предотвращения развития внешних факторов влияния в открытые угрозы. Так, например, если темпы развития экономики развитых государств на 90–95% определяются темпами развития НЧК и его институтов, то этот вывод справедлив и для российского ОПК, который сможет (в случае высоких темпов развития НЧК) обеспечить Вооруженные Силы новейшими видами и системами ВиВТ.

В этой связи требуется сконцентрировать особое внимание на этом, решающем виде национальных ресурсов (рис. 7).

Таким образом, очевиден вывод: во-первых, величина национального богатства **во все большей степени определяется НЧК**, а, во-вторых, следуя логике, модернизация, как процесс и идея, должна предполагать для элиты, власти и общества не только и не столько модернизацию техники и технологий, сколько **опережающее развитие НЧП** и его эффективную реализацию, т.е. превращение потенциала в капитал (НЧП — НЧК).

Необходимость этого подкрепляется дополнительно еще двумя важными обстоятельствами. Во-первых, тем, что широко рекламируемое условие развития — иностранные инвестиции — не идут в области, связанные непосредственно с развитием НЧП, что видно, например, из структуры иностранных инвестиций в 1 квартале 2010 года, отражающей общую тенденцию²⁸.

Критерий «опережающее развитие» принципиально важен для России, которая в целом за период 1990–2010 годов показала нулевые темпы прироста ВВП, в то время как КНР, например, увеличил свой ВВП в 10–15 раз! За эти же годы развитие страны в среднем обеспечивали прирост ВВП в 2–3%, а ряд других стран (Индия, Бразилия, Пакистан и др.) — 5–7%.

В целом мировая экономика в 2008–2010 годы (и соотношение экономических сил) выглядело следующим образом²⁹ (табл. 5).

Это означает, что Россия «потеряла» 20 лет в своем развитии, за которые другие страны стремительно ушли вперед. Как результат, произошло изменение в соотношении сил в мире явно не в пользу России, которое можно компенсировать только стремительными темпами (опережающими) роста ВВП страны. На мой взгляд, эти темпы могут (особенно в новых отраслях) и **должны быть** не ниже 10–12%, а в новых отраслях — до 30–40%. Если Россия сохранит

нынешнюю модель развития и модернизации, то она окончательно «уравняется» по основным показателям с латиноамериканскими государствами³⁰.

Удивительно, насколько основные критерии — душевой ВВП и средняя продолжительность жизни (они же главные критерии НЧП) — латиноамериканских государств и России совпадают.

	Год	Средняя продолжительность жизни
Латинская Америка	1960	56,5
	1980	64,7
	2001	70,6
Восточная Азия	1960	39,2
	1980	60,0
	2001	69,2
Россия	2001	67,0

Понятно, что для решения задачи опережающего развития нынешняя стратегия (концепция социально-экономического развития и модернизации) не пригодна. Она даже и не ставит такой задачи, экстраполируя существующие темпы роста на будущее. Нужна политически сформулированная цель опережающего роста, где технологическая модернизация стала бы одним из инструментов. Тем более, такая технологическая модернизация, которая основывается на зарубежных заимствованиях.

Если КНР, например, планируют к 2035–2050 годам увеличить душевой доход до уровня развитых стран, т.е. уровня, который будет у них к 2050 году, то это означает, что страновой ВВП КНР (население которой, несмотря на все меры, растет на 15–20 млн человек в год и достигнет 1400–1450 млн), вероятно, будет составлять не менее 35–40% мирового ВВП. Можно сказать, что относительно всей мировой экономики, доля ВВП стран Евросоюза и США снизится с нынешних 20 и 22% до 15 и 17% соответственно.

Если допустить, что Россия предпримет все меры для опережающего роста, то ее ВВП может вырасти с нынешних 2,5% до 9–10% от всей мировой экономики, что позволит ей остаться в качестве суверенной страны и сохраниться в качестве самостоятельного центра силы.

Но главное, всё-таки, не в абсолютном или относительном объеме ВВП, а в его качестве, который через 20–30 лет будет определяться практически на 90% уровнем НЧК. Это означает, что и соотношение

сил в мире также будет определяться соотношением национального человеческого капитала.

2010 г. (Доля НЧК в ВВП ~ 70%)		2035 г. (Доля НЧК в ВВП ~ 90%)	
США, Япония и страны Евросоюза ~ 50%	→	30%	
Китай ~ 6%	→	35–40%	
Индия ~ 2%	→	10%	
Россия ~ 2%	→	6%	

Таким образом, абсолютный и относительный рост НЧК в стратегической перспективе 20–30 лет окажется решающим при определении соотношения сил в мире и, как следствие, всей международной системы безопасности, международных институтов и национальных внешнеполитических стратегий. В этих условиях принципиально важно разработать такую государственную стратегию развития, которая отражала бы тенденцию роста значения НЧП. Прежде всего с точки зрения политики модернизации, которая должна быть ориентирована на ускоренную модернизацию НЧП. Сегодня, как известно, структура национального богатства развитых стран выглядит следующим образом (рис. 8).

Из этого рисунка следует, что **будущее соотношение сил государств** в мире и характер возможных угроз уже сегодня предопределяется темпами развития НЧП и в значительно меньшей мере модернизацией производственных активов или использованием природных ресурсов. И абсолютно, и относительно. Соответственно, и вся система международной безопасности будет определяться государствами-лидерами в НЧК.

При этом очень важно понимать, что национальная система ценностей, традиции и приоритеты государств-лидеров неизбежно станут доминировать при формировании новой системы международной безопасности. Именно они, а не международно-правовые нормы и соглашения станут основой для создания системы международной безопасности. Право, в т.ч. международное право, во всё большей степени будет определяться НЧП стран-лидеров.

В современных условиях эти темпы роста может обеспечить только быстрый рост НЧП. Причем это не только опережающее развитие национального человеческого потенциала (НЧП) и всех его состав-

ляющих, но и его **реализация, т.е. превращение в национальный человеческий капитал (НЧК)**. Это уже зависит в основном от качества государственного и общественного управления. Ясно, что если наша страна выберет либеральную идеологию модернизации (т.е. технологические заимствования), то этот выбор не обеспечит решения задачи опережающего развития. Отсюда следует неизбежный вывод: нужна **национальная идеология модернизации**.

Подобный подход малооперативен. Как уже показано выше на рисунке, производственные активы не только наименьшая часть национального богатства (для России ее доля еще меньше, чем для развитых стран и составляет не более 10–15%), но и в перспективе будет сокращаться относительно доли НЧП.

В этой связи становится особенно актуальным исследование позиций представителей отдельных групп правящей российской элиты, которые существенно отличаются в зависимости от их профессиональной принадлежности. Попытка такого анализа на примере элит США и СССР на рубеже 60-х годов прошлого века сделаны профессором МГИМО(У) М. Хрусталевым. Картина, которая сложилась после проведенного конвент-анализа, показала различные подходы, существовавшие у разных групп советской и американских элит³¹ (табл. 6).

Как отмечал М. Хрусталёв, исследование показало «единодушие» американских элит в ориентации на внутреннее положение в США как решающего фактора при разработке внешней политики. Действительно, от 55 до 65% всех представителей американской элиты думали именно так.

Если мы попробуем по такой аналогии провести исследование относительно российской элиты, то мы наверняка придем к следующим выводам:

- влияние военной и научной элиты ничтожно и его можно вообще не учитывать;
- влияние экономической элиты, заинтересованной в создании благоприятных внешних условий, оказывается решающим. При этом интересы безопасности волнуют эту элиту меньше, чем любых других;
- влияние политической элиты, безусловно, определяющее, но оно акцентировано не на международной безопасности, а на внутренней ситуации.

В целом матрица, на мой взгляд, выглядит следующим образом (табл. 7).

Рис. 8.

Табл. 6.

Фактор тип элиты	Международная обстановка, % СССР–США	Экономика, % (финансовые расходы) СССР–США	Внутренняя ситуация, % СССР–США
политическая	45–20	20–25	35–55
военная	70–25	10–15	20–60
экономическая	15–5	40–35	45–60
научная	30–15	0–20	70–65

Табл. 7.

Фактор тип элиты	Международная обстановка, % Россия	Экономика, % (финансовые расходы) Россия	Внутренняя ситуация, % Россия
политическая	20	40	40
военная	—	—	—
экономическая	20	40	40
научная	—	—	—

Очевидна, на мой взгляд, недооценка российской правящей политико-экономической элитой факторов международной безопасности, что может негативно отразиться на суверенитете и положении России в будущем мире. Ради решения сложных проблем

модернизации и внутренней политики правящая российская элита оказывается не способной заглянуть на 20–30 лет вперед. Подход к модернизации как самоценности может поставить Россию в будущем в зависимость от Запада.

Эволюция военной доктрины России в последнее десятилетие

... применяя термин «национальная безопасность» к России, мы, прежде всего, говорим о государственной безопасности³².

В. Каламанов

Вряд ли можно согласиться с отождествлением понятий «национальная» и «государственная» безопасность при анализе современной военной доктрины. Обеспечение государственной безопасности является частью политики обеспечения национальной безопасности, причем в современную эпоху эта «часть» сокращается. Сегодня гораздо важнее уже не нанести военное поражение государству, разрушить его институты (что считалось прежде конечной целью вооруженной борьбы), а добиться национального поражения, смены системы ценностей (или их подмены), изменения вектора развития нации, разрушить культурное, образовательное, информационное национальное пространство. Военная сила может иметь самое разное значение и играть разную роль для достижения этих целей.

С принятием в России Военной доктрины в 2010 году ситуация, во многом изменилась, однако и сегодня в силу разного рода причин военная доктрина требует определенного уточнения и корректировки. Прежде всего в ее политической части. Наиболее важные из них следующие:

1. Военная доктрина, как уже говорилось выше (утверждаемая Президентом), должна представлять не только систему официально принятых в государстве, но и в обществе взглядов на подготовку и воз-

можное использование Вооруженных Сил. Представляется, что она должна быть сформулирована не в нормативном документе, а в Федеральном законе, принимаемом ФС и утверждаемом Президентом РФ, и, соответственно, иметь обязательное значение. В том числе и для принимаемых законов, планов развития, ГОЗ и т.д.

Как система официально принятых не только в государстве, но и обществе, взглядов она представляет собой **идеологию**, часть общей национальной стратегии развития и является производной от неё. В ней неизбежно должны быть ответы на политико-идеологические вопросы. Так, вряд ли можно целиком согласиться с констатацией в существующей Доктрине того, что «мировое развитие... характеризуется ослаблением идеологической конфронтации»³³. Представляется, что ценностные, цивилизационные и идеологические противоречия (и отнюдь не только с исламскими странами, но и либеральными государствами) выходят на первый план, превращаясь в основу будущих, в т.ч. военных конфликтов. При этом, продвигая свою систему ценностей, государства предполагают, что эта политика будет обеспечена силовым «прикрытием» не только для использования невоенных средств, но и в случае необходимости, прямого применении военной силы. Так, основным

инструментом продвижения либеральной системы ценностей в России и на постсоветском пространстве стал Евросоюз, который стремится взять под контроль в той или иной степени все постсоветское пространство, но прежде всего Украину, Белоруссию, Молдавию на западе и Армению, Грузию, Азербайджан — на юге Восточной Европы с помощью политики «Восточного партнерства». Причем на первом этапе — просто не допустить углубления и расширения процесса евразийской интеграции, окончательно «оторвав» эти страны от России.

Североатлантическому Союзу в такой политике отводится не столько военная, сколько политико-психологическая роль обеспечения безопасности политике Евросоюза, который, во-первых, использует в этих целях гуманитарные средства влияния, а, во-вторых, стремится навязать изначально (что показал пример с евроинтеграцией Украины) невыгодные условия для этих стран.

Соответственно военная доктрина России должна исходить из этого, а именно:

- Запад не планирует крупномасштабные военные операции против России, полагаясь на инструменты экономического и гуманитарного влияния;
- Цель Запада не столько «победить в войне», тем более оккупировать территорию постсоветских государств, сколько не допустить их интеграции и навязать им невыгодные условия зависимости от Евросоюза;
- Реализация подобного сценария будет неизбежно вести к сохранению низких военных расходов стран Евросоюза (порядка 1% ВВП) и сокращению военного присутствия США в Европе, т.е. значение военной силы как «используемого» инструмента политики будет падать при возрастании значения невоенных инструментов силы и влияния;
- Соответственно в военной доктрине России должны быть сделаны коррективы, как минимум, в нескольких положениях. В частности,
 - во-первых, вряд ли целесообразно по-прежнему рассматривать европейский ТВД как основной театр возможных военных действий;
 - во-вторых, в военной доктрине России должны быть существенно усилены ее невоенные — информационные, психологические, управленческие, гуманитарные и общественные компоненты;
 - в-третьих, решающее значение приобретает качество НЧК (в ОПК и Вооруженных Силах), — опыт, образование, подготовка и т.д., а также совершенствование военного искусства. Прежде всего с точки зрения повышения «гибкости», «многовариантности» использования ВС, например, в миротворческих операциях, пропагандистских войнах и т.п.

2. Вскользь говоря об изменении соотношения сил в мире, в Военной доктрине не говорится о радикальном изменении соотношения сил в Евразии и АТР, формировании по сути дела нового крупнейшего центра военно-политического противостояния на востоке России, повышение в этой связи значения Сибири и Дальнего Востока для безопасности страны. Приоритет за дальневосточным ТВД должен быть выражен ясно.

В Военной доктрине России до 2020 года по-прежнему основной акцент делается на противодействии НАТО в Европе, хотя в качестве приоритетов при определении внешних угроз все отчетливее выделяются восточное и южное направления, возможность усиления военно-политического давления на восточные регионы страны. Причем со стороны целой группы государств — от США и Японии до Китая.

Объективная экономическая и военная слабость России на Дальнем Востоке и в АТР характеризуется, например, тем, что объем внешней торговли со странами АСЕАН держится на уровне 1% от общего объема внешней торговли, а ВМФ России занимает (по разным оценкам) 5–6 место среди военных флотов стран АТР.

К этому следует добавить, что негативные тенденции депопуляции и деиндустриализации восточных регионов сохраняются, хотя в самые последние годы руководство страны и предпринимает меры по исправлению ситуации. Особенно беспокоит инфраструктурная слабость, особенно в области транспорта и связи, которая ведет к автономизации восточных регионов и делает их уязвимыми для внешнего влияния.

Наконец, нельзя не сказать об информационном и политическом воздействии внешних сил на позиции России в АТР и ситуацию в восточных регионах. Не случайно в последние десятилетия не только за рубежом, но и внутри страны усилились заявления об «озелени Сибири и Дальнего Востока», «передача районов Арктики под международный контроль» и т.д. В Военной доктрине России эти угрозы справедливо относятся к категории «внутренних военных угроз», а именно:

- а) попыткам насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации;
- б) подрыву суверенитета, нарушению единства и территориальной целостности;
- в) дезорганизации функционирования органов государственной власти, военных объектов и информационной структуры³⁴.

Вместе с тем существующая Военная доктрина России, во-первых, не выделяет новые угрозы в АТР в качестве приоритетных, а, во-вторых, фактически не связывает их с общенациональными — экономическими, финансовыми, социальными, внешнеполитическими — аспектами национальной стратегии и планами долгосрочного развития. Если в импер-

ские и советские времена приоритеты безопасности Дальнего Востока являлись важнейшими и в полной мере учитывались в экономической и бюджетной политике России, то сегодня эти приоритеты явно не обозначены.

3. Перечисляя основные внешние военные угрозы («опасности»), в Военной доктрине справедливо говорится о «стремлении наделить силовой потенциал НАТО глобальными функциями», «попытках дестабилизировать обстановку в отдельных государствах и регионах». К сожалению, в Военной доктрине не делается акцент на угрозе раздела сфер влияния в Евразии, странах СНГ и России и даже ее территориальной целостности. Между тем во втором десятилетии XXI века эта угроза становится уже не гипотетической, а реальной: формирование двух полюсов силы в Атлантике и на Тихом океане очень напоминает историческую аналогию с разделом Польши в XVIII–XIX веках. Представляется, что угроза усиления влияния на постсоветском пространстве со стороны этих полюсов может постепенно перерасти в угрозу контроля над природными ресурсами и территорией России. Как справедливо отмечают эксперты РСМД, «...„Новая Большая игра“ приводит к тому, что многие внешние игроки используют внешнюю помощь не только для содействия развитию и для обеспечения глобальной безопасности,

но и для продвижения собственно национальных интересов в рамках разного рода геополитических и геоэкономических проектов. В американской практике содействие часто связано с проектами типа „Большой Центральной Азии“ и „Нового Шелкового пути“, которые нацелены на геополитическое реформирование сложившейся в настоящий момент системы торгово-экономических связей государств Центральной Азии, где ключевое место традиционно занимает Россия, в пользу «южного вектора». В дополнение к этому США и ЕС активно продвигают в рамках оказываемой помощи альтернативные проекты транспортировки ресурсов через Каспий в западном направлении, которые должны миновать Россию и Иран, что также, очевидно, имеет геополитическое измерение»³⁵.

Помимо территориальных споров, основными военно-политическими вызовами безопасности в АТР по-прежнему остаются вопросы ядерного нераспространения в связи с очередным витком обострения ситуации на Корейском полуострове и хронические межгосударственные конфликты. Отмеченные проблемы совпадают с происходящей в странах региона военной модернизацией и общим ростом расходов на оборону³⁶.

Статистический анализ показывает, что в течение прошедшего десятилетия именно Соединенные

Расходы стран расширенной Восточной Азии на оборону, 1990–2010 (долл. США по постоянному курсу на 2008 г., млн, % от ВВП)³⁷

	2000		2005		2010	
	долл. США	% от ВВП	долл. США	% от ВВП	долл. США	% от ВВП
КНР	[33 496,0]	[1,9]	[64 726,0]	[2,0]	[121 064,0]	[2,1]
США	382 061,0	3,0	562 039,0	4,0	698 281,0	4,8
Индия	25 841,0	3,1	33 690,0	2,8	46 086,0	2,7
Россия	[29 014,0]	[3,7]	[43 190,0]	[3,7]	[58 644,0]	[3,9]
Япония	54 785,0	1,0	55 330,0	1,0	54 641,0	1,0
Республика Корея	[18 465,0]	[2,6]	22 791,0	2,6	27 572,0	2,7
КНДР	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Тайвань (Китай)	8 420,0	2,4	8 300,0	2,1	9 067,0	2Д
Монголия	44,4	2,1	44,4	1,3	54,9	1Д
Индонезия	н.д.	н.д.	3 336,0	0,8	4 663,0	0,7
Малайзия	22 48,0	1,6	4 183,0	2,3	3 859,0	1,6
Вьетнам	н.д.	н.д.	14 58,0	1,9	2 672,0	2,5
Таиланд	29 48,0	1,5	2 846,0	1,1	4 846,0	1,5
Сингапур	6 421,0	4,6	7 576,0	4,4	8 323,0	3,7
Филиппины	21 20,0	1,6	2 145,0	1,3	2 438,0	1,2
Мьянма	н.д.	2,3	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Камбоджа	125,0	2,2	102,0	1,1	175,0	1,6
ЛНДР	(26,9)	(0,8)	(19,3)	(0,4)	(16,3)	(0,3)
Бруней-Даруссалам	325,0	5,7	318,0	2,6	391,0	3,2

[...] — оценочные данные СИПРИ

(...) — приблизительные данные

Штаты сохранили и продолжают демонстрировать самые высокие в регионе расходы на оборону, во много раз превышающие расходы Китая, России, Индии и других региональных игроков. Несмотря на решение об общем сокращении американских военных расходов, принятое в связи с последствиями кризиса, военные обязательства США по отношению к странам АТР существенным образом не ограничиваются, происходит технологическое усовершенствование оснащения американских военно-морских сил в регионе.

При этом остальные страны скорее подтягивают уровень своего военного развития до уровня экономического, во многом исходя из такой логики, что не следует искушать соседей по региону своими недостаточно сильными позициями в военной сфере.

За последние несколько лет целый ряд стран региона обнародовали свои новые стратегические оборонные документы, определяющие концептуальное видение военно-политической ситуации в АТР и оценку военно-политических вызовов и рисков.

В 2012 г. Япония опубликовала обновленную версию Белой оборонной книги. Особый акцент в документе был сделан на дальнейшем развитии концепции динамичных оборонных сил и усилении американо-японского военного альянса. Концепция динамичных оборонных сил подразумевает гибкое развертывание японских сил самообороны в случае возникновения конфликтных ситуаций в регионе. Причем потенциальным объектом развертывания этих сил считаются в первую очередь спорные с Китаем острова в Восточно-Китайском море, а также в целом зона к югу от Японии³⁸.

Своеобразным ответом на растущие опасения в отношении Китая стала Белая оборонная книга, представленная КНР в апреле 2013 г. В ней особо подчеркивается, что Китай не преследует гегемонистских целей, а его военное строительство нацелено лишь на то, чтобы привести в соответствие уровень обороны Китая с потребностями его развития. При этом экспертами отмечается беспрецедентный шаг Китая по увеличению транспарентности в военной области. В Белой книге 2013 г. КНР впервые обнародовала данные о численности своих армии и флота. В то же время настороженное отношение в регионе в целом вызывает ряд стратегических задач, обозначенных в документах XVIII съезда Коммунистической партии Китая. Среди них, прежде всего — закрепленные в выступлении Ху Цзиньтао цели развития морской экономики, которые поставлены в один ряд с задачами защиты прав и интересов Китая в морских акваториях. Ряд стран региона, и в первую очередь Вьетнам, чья продовольственная безопасность и экономическое развитие напрямую зависят от использования ресурсов моря, склонны трактовать данное положение как признак дальнейшей активизации Китая в вопросах Южнокитайского моря.

США в военно-стратегическом плане демонстрируют особую заинтересованность в обеспечении свободы навигации на всем пространстве от Индийского до Тихого океана, включая Южно-Китайское море. Концептуальное обоснование американского присутствия в данной акватории содержится в двух стратегических документах — «Кооперационной стратегии для морской державы XXI века» и «Концепции военно-морских операций». Речь идет, во-первых, о защите интересов Соединенных Штатов на указанном пространстве с целью недопущения появления любых возможных конкурентов или противников, а во-вторых, о поддержании условий, при которых США обладали бы полной свободой маневра на всем протяжении морских маршрутов от Европы и Ближнего Востока до Тихого океана. Среди потенциальных угроз Соединенным Штатам упомянутые выше документы называют действия как со стороны государств, так и негосударственных акторов. К первым отнесен, в частности, территориальный спор между Китаем и государствами Юго-Восточной Азии по поводу островов Спратли³⁹.

Австралийская Белая книга по обороне 2013 г. также делает акцент на формирующемся новом понятии — регионе Индийского и Тихого океанов. Ставя своей задачей создание стабильного макрорегионального пространства, австралийская оборонная концепция, тем не менее, оценивает деятельность региональных институтов сотрудничества скорее как «скромное дополнение» к уже устоявшимся двусторонним стратегическим связям.

Упомянутые документы в целом констатируют, — считают российские авторы, — что в настоящее время регион сталкивается с целым рядом новых и хронических проблем безопасности в условиях растущих противоречий в регионе. Однако при этом нередко именно поведение самих региональных участников провоцирует дальнейшее разрастание проблем безопасности и стимулирует взаимные претензии⁴⁰.

«Китай, в том числе в рамках оказываемой помощи, к настоящему времени серьезно переориентировал центральноазиатские государства на поставки сырья, особенно энергоносителей, на восток. В результате Россия (и особенно «Газпром») понесла большие издержки, утратив возможность перенаправлять в своих интересах такие энергетические потоки, как, например, туркменский газ. Закупочные цены для «Газпрома» в Центральной Азии серьезно выросли, а кроме того, центральноазиатский газ сбил цены на российское топливо на китайском рынке. Формально КНР проводит свою помощь «под маркой» ШОС, однако в реальности она идет не через бюджет организации, а через формально аффилированные с ней проекты на двусторонней основе.

Международные игроки, особенно на Западе, также склонны к восприятию в геополитическом контексте российской помощи, особенно в тех случаях, когда Москва прямо или косвенно привязы-

вает ее к выполнению таких требований, как вывод с территории Кыргызстана базы НАТО в бишкекском аэропорту «Манас». Сходным образом трактуются и проекты евразийской экономической интеграции»⁴¹.

4. Существует множество и других положений Военной доктрины России, требующих уточнений, о которых будет сказано ниже. Но особенно важно одно из них, о котором сказано вполне определенно и точно, хотя и неполно: «создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны..., милитаризация космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия»⁴².

К сожалению, в Военной доктрине России не делается из этой констатации должного вывода, а именно: воздушно-космическое пространство превратилось в самостоятельный, глобальный и глубоко интегрированный самостоятельный ТВД. Причем имеющий принципиально важное, приоритетное значение по отношению к другим ТВД. Сегодня на высотах от нескольких метров до сотен километров существует единая среда, не имеющая границ, где роль информационных систем, в частности боевого управления, связи, разведки, РЭБ становится ведущей. Прошлые войны, будь то на суше или на море, ушли в прошлое. Сегодня быстро и эффективно победа обеспечивается победой в воздушно-космическом пространстве, не требующая ни стратегических операций сухопутных сил, ни оккупации территории. Политические цели могут быть достигнуты быстрыми воздушно-космическими действиями.

Соответственно способность того или иного государства противостоять воздушно-космическому нападению (или угрозе такого нападения) становится равнозначна способности государства обеспечить свой суверенитет, национальные интересы и территориальную целостность.

Это утверждение в полной мере относится к другим аспектам создания глобальной системы ПРО, в частности:

- союзникам и партнерам России, которые самостоятельно не способны создать эффективные системы ВКО, что неизбежно должно привести к созданию в будущем объединенной и даже единой системы ВКО. В нее могут войти не только страны-члены ОДКБ, но и другие государства Евразии, заинтересованные в сохранении своего суверенитета;
- новому этапу военно-технического сотрудничества в области ВКО, на котором будет качественно иной уровень политического и военного взаимодействия, научной, образовательной и промышленной кооперации;
- созданию договорно-правовых основ ограничения систем ВКО и новых норм обеспечения международной, европейской и евразийской безопасности, переходу от политико-декларативных заявлений к юридически обязательным соглашениям.

5. Особенно важное значение в новой военной доктрине приобретает понимание того, что современная гонка вооружений перенесена на уровень соревнования в новейших технологиях. Причем не только и даже не столько военных, сколько гражданских. По мнению Д. Рогозина, например, новый шестой технологический уклад «будет сформирован в 2010–2020 годы, а в фазу зрелости вступит в 2040-е годы»⁴³. Сегодня, по его оценкам, на долю 5-го уклада приходится не более 10% российских технологий, более 50% — к четвертому укладу и почти 30% — третьему. Это означает, что в короткие сроки нам предстоит технологически не только пройти 5-й уклад и вступить в 6-й, но и обогнать потенциальных противников, ибо уровень технологий будет определять в конечном счете эффективность Вооруженных Сил к 2030–2040-м годам.

Это означает, что военная доктрина уже сегодня (учитывая сроки разработки нового поколения ВВТ) должна опираться на четкий стратегический прогноз относительно будущих угроз и возможностей ВВТ, а также ясно сформулировать возможный будущий характер войн и военных конфликтов, способы использования ВС и ВВТ. Этот «социальный заказ» должен идти не только от оценок перспектив развития технологий и возможностей ОПК, но и из оценок военно-политического характера, эволюции (или революции) в областях военного искусства. Такой прогноз означает, что мы не должны допустить того, чтобы научно-техническое и технологическое отставание перешло в военно-стратегическое, когда военная сила превратится вновь в «используемый» инструмент политики.

Такой стратегический прогноз до 2030–2050 годов, имеющий вероятностный, но вполне точный характер, — возможен, если он будет не только экстраполяцией существующих экономических и технологических тенденций, но и исходить из вероятной оценки множества политических, экономических и иных факторов.

Принципиально важно, чтобы такой прогноз основывался на постановке «политического заказа», т.е. того желаемого будущего, которое видит для нации элита страны. Будущее в своих основных чертах закладывается и отчасти уже существует сегодня. Важно уметь увидеть его основные признаки, скорректировать существующие (или сформулировать новые) цели и задачи развития. Так, будущее нашей науки и технологий зависит уже сегодня, например, от затрат. Россия значительно уступает развитым странам мира по уровню внутренних затрат на науку. Если в 1990 г. по величине данного показателя Россия находилась на уровне, сопоставимом с ведущими странами ОЭСР, то теперь она приблизилась к группе стран с низким научным потенциалом (Испания, Португалия, Венгрия, Польша). По абсолютным затратам на науку Россия более чем в 7 раз уступает Японии и в 20 раз — США⁴⁴.

Внутренние затраты на исследования и разработки в России и некоторых странах ОЭСР в 2006 г.

Страны	Всего (в млн. долл.)	в % к ВВП	В расчете на душу населения (в долл.)
Россия	20 281,3	1,07	126,9
США	343 747,5	2,62	1093,7
Германия	66 688,6	2,53	757,8
Япония	138 782,1	3,39	1023,3
Великобритания	35 590,8	1,78	584,1
Франция	41 436,3	2,11	644,2
Швеция	11 815,4	3,73	1249,9

Прямым следствием такой политики стало растущее отставание России, например, в космосе уже не только от США, но и от Китая и Индии. По оценке Ю. Коптева, ««Сегодня у нас катастрофическое положение с состоянием нашей орбитальной группировки... Сегодня орбитальная группировка Китая больше, чем группировка российских аппаратов, а если посмотреть содержательную часть, то и в военной, и в гражданской частях мы сегодня уступаем и в дистанционном зондировании Земли, и метеорологии, и связи не только американской и европейской, но и китайской, и индийской орбитальным группировкам»⁴⁵.

В условиях малосущественных стимулов к инвестированию в научные исследования и разработки со стороны частного капитала, бюджетное финансирование остается по-прежнему основным источником финансирования этой сферы. Однако, несмотря на наблюдаемый в последнее десятилетие их абсолютный рост, относительный уровень этих затрат постоянно снижался. И если в экономически развитых странах уровень расходов на науку в государственном бюджете составляет 4–5%, то в России он колеблется в пределах 1,6–2,0%.

Кадровый потенциал науки в период 1990–2008 г. сократился более чем на 60%, в то время как в развитых странах мира наблюдался рост численности занятых в науке в среднем на 2,5–3% в год. Если в 1990 г. персонал, занятый исследованиями и разработками, насчитывал в России 1943,4 тыс. работников, то в 2007 г. их число составило только 801,1 тыс. чел. Число исследователей за тот же период сократилось

с 992,6 до 392,9 тыс. чел., опустилось до уровня 35-летней давности.

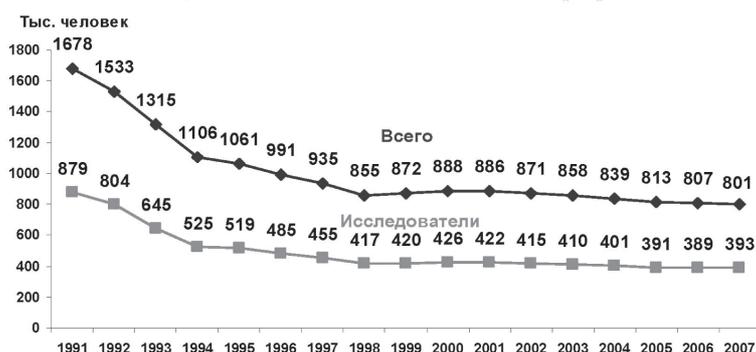
Падение численности персонала, занятого исследованиями и разработками, пока не преодолено, хотя в последние годы количество исследователей среди них практически стабилизировалось.

Динамика численности занятых в НИОКР определялась такими тенденциями, как ухудшение возрастной структуры: снижение доли исследователей в возрастной группе до 40 лет и возрастание доли исследователей в группе старше 60 лет. В отличие от России, в США, например, наибольшую долю среди исследователей составляют исследователи наиболее активной возрастной группы (30–50 лет).

6. Отдельно следует определиться в Военной доктрине с союзниками и партнерами в военно-политической области. Роль союзов и коалиций в истории человечества всегда была критически важной. В настоящее время для России это имеет особенное значение. После распада Организации Варшавского Договора и СССР оборонительные возможности России радикально сократились. Соответственно ее ресурсная база влияния и достижения поставленных целей и задач не позволяет сохранять их в неизменном виде. Надо отчетливо понимать, что, в отличие от СССР, Россия не может ставить перед собой целей и задач глобального характера. Эти цели должны соответствовать национальным ресурсам и возможностям.

Вместе с тем у России сохраняется потенциал для создания если не военно-политического союза, то системы безопасности, особенно в Евразии, на основе ОДКБ, двусторонних соглашений или на основе системы евразийской обороны. Особенно в области ВКО.

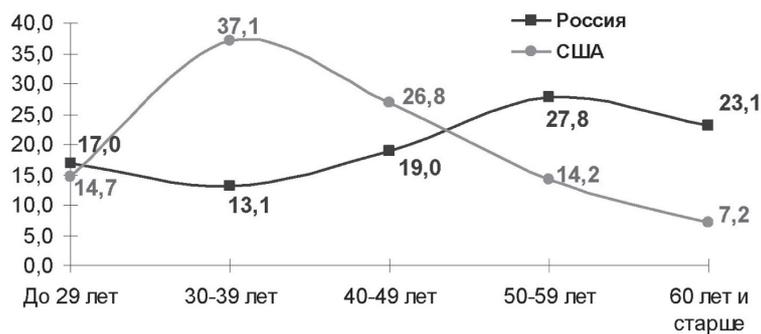
Динамика персонала, занятого исследованиями и разработками

Распределение мирового рынка высокотехнологичной продукции по отдельным странам

	1980	1985	1990	1995	2001	2005
Страны ЕС	42,9	39,4	40,6	34,1	33,7	32,1
США	21,7	22,8	20,4	19,3	17,5	15,9
Япония	9,2	12,3	11,0	9,8	7,7	5,8
Сингапур	1,9	2,1	3,4	5,6	5,0	4,7
Китай	0,6	1,7	1,4	2,6	4,8	7,2
Ю. Корея	1,2	1,7	2,4	3,0	3,9	4,9
Россия	н.д.	н.д.	н.д.	0,37	0,2	0,34

Распределение исследователей по возрастным группам в России (2006 г.) и США (2004 г.)

В Военной доктрине коалиционная политика определяется как обязательства России по использованию военной силы для защиты Союзного государства и (в «мягкой форме») партнеров по ОДКБ, а также по решению Совбеза ООН и других структур международной безопасности». В соответствующих статьях 20 и 21 Военной доктрины России условия применения военной силы определяются достаточно конкретно, а в статье 22 говорится и об использовании ядерного оружия, «когда под угрозу ставится само существование государства в ответ на использование обычного оружия»⁴⁶. Из текста, однако, не ясно, распространяются ли «ядерные гарантии» на союзников и каких именно.

Очевидно, что сейчас Военная доктрина требует своего уточнения, корректировки и даже переоценки в своих принципиальных военно-политических положениях. Прежде всего это связано с долгосрочным

прогнозом мирового развития и собственно России, ее военных возможностей, уточнением характера и вероятности военных угроз и долгосрочным планированием, как важнейшими условиями для формирования ГОЗ на 2020–2030–2050 годы.

7. Ключевое значение для новой военной доктрины России будет иметь политико-идеологическая установка на опережающее национальное развитие, прежде всего национального человеческого капитала (НЧК) в научной и технологической областях. Это важно подчеркнуть потому, что существующие прогнозы ориентированы на инерцию, экстраполяцию нынешних тенденций с минимальными поправками. Так, долгосрочный прогноз научно-технического развития исходя из «сценария энерго-сырьевого развития, затем скорректирован с учетом дополнительного выделения средств на развитие научно-инновационного комплекса в соответствии с инновационным вариантом, исходя из

Динамика количества организаций, выполняющих исследования и разработки

Рис. 9.

Персонал, занятый исследованиями и разработками

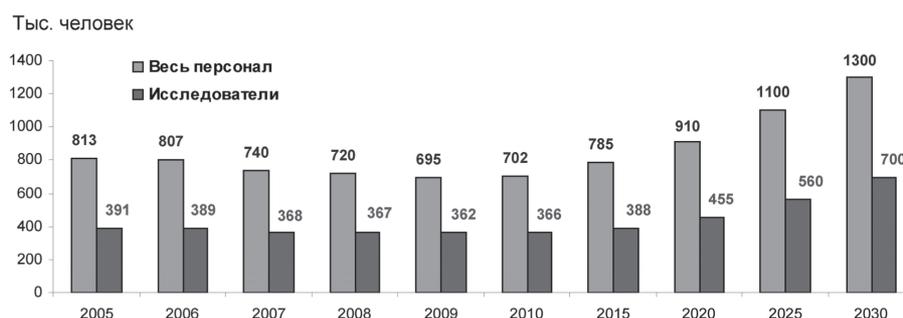

Рис. 10.

следующих макроэкономических оценок. К 2030 году величина валового внутреннего продукта в сопоставимых ценах вырастет в три раза по сравнению с 2007 г. При этом расходная часть государственного бюджета увеличится почти в семь раз (без учета инфляции), а его доля в ВВП снизится до 16,4%⁴⁷.

В таких условиях основные количественные и качественные параметры научно-технического потенциала могут развиваться следующим образом.

Количество организаций, выполняющих исследования и разработки, предположительно вырастет на 11%, причем в большей части за счет роста негосударственного сектора (рис. 9), которая с 2007 по 2030 г. снизится с 72% до 57%. При этом доля научно-исследовательских организаций академического сектора изменится незначительно — с 24% до 26%.

Предполагается, что реализация предложенного варианта в ближайшие два года приведет к некоторому снижению общего количества научно-исследовательских организаций, которое после 2010 года

сменится устойчивым ростом. При этом динамика численности организаций академического сектора изменится незначительно.

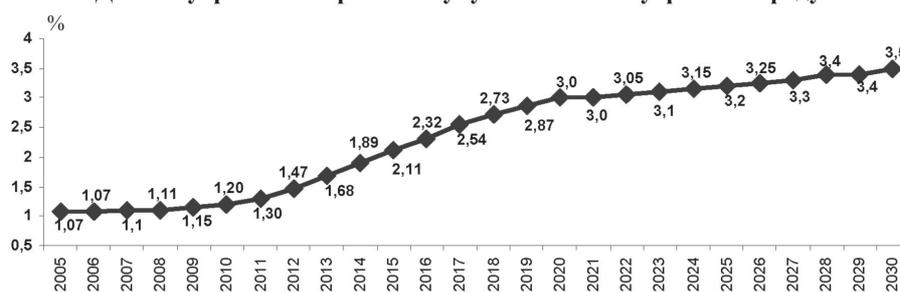
Динамика персонала, занятого исследованиями и разработками будет почти аналогичной: снижение показателей будет наблюдаться до 2009 года, затем начнется подъем. К 2030 г. численность персонала, занятого исследованиями и разработками вырастет почти в 1,8 раз по сравнению с 2007 г., а численность исследователей за этот же период вырастет в 1,9 раза (рис. 10).

Особенно важным с точки зрения обеспечения результативности науки будет существенный рост расходов на нее. В сопоставимых ценах он увеличится к 2030 г. в восемь раз по отношению к уровню 2007 г.

Рост ассигнований на гражданскую науку из средств федерального бюджета способен катализировать процессы роста участия отечественных организаций в инновационной деятельности. При этом предполагается, что доля внутренних затрат

Финансирование гражданской науки

Доля внутренних затрат на науку в валовом внутреннем продукте

Ассигнования на науку в процентах к расходной части федерального бюджета

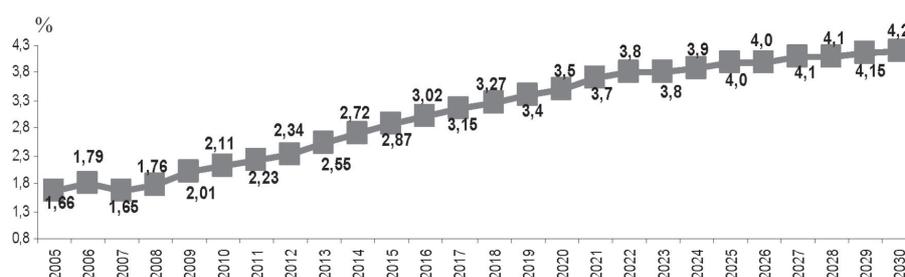

Рис. 11.

Табл. 7. Внутренние затраты на исследования и разработки в процентах к ВВП в отдельных зарубежных странах и России

	2005		2010		2020		2030	
1	Япония	3,33	Япония	3,51	Япония	3,7	Япония	4,0
2	США	2,62	США	2,88	США	3,1	Германия	3,7
3	Германия	2,51	Германия	2,7	Германия	3,0	Россия	3,5
4	Франция	2,12	Франция	2,42	Россия	3,0	США	3,5
5	Канада	1,97	Канада	2,2	Франция	2,9	Франция	3,5
6	Великобритания	1,78	Великобритания	2	Китай	2,5	Великобритания	3,2
7	Индия	1,45	Китай	1,86	Великобритания	2,4	Китай	3,1
8	Китай	1,34	Индия	1,65	Индия	2,4	Канада	3,0
9	Италия	1,1	Россия	1,51	Канада	2,3	Италия	2,8
10	Россия	1,07	Италия	1,5	Италия	2,1	Индия	2,6

Табл. 8. Соотношение внутренних затрат на исследования и разработки отдельных зарубежных стран и России (проценты)*

	2005		2010		2020		2030	
1	США	1796,0	США	1104,0	США	474,5	Китай	434,0
2	Япония	725,6	Китай	431,3	Китай	355,9	США	412,3
3	Китай	467,5	Япония	403,5	Япония	152,8	Япония	121,8
4	Германия	328,6	Германия	197,3	Россия	100,0	Россия	100,0
5	Франция	215,4	Франция	130,5	Германия	81,7	Германия	69,9
6	Великобритания	189,5	Великобритания	116,4	Франция	59,7	Великобритания	51,4
7	Канада	115,5	Россия	100,0	Великобритания	54,1	Франция	50,7
8	Италия	101,4	Италия	74,4	Италия	39,4	Италия	33,1
9	Россия	100,0	Канада	73,2	Канада	27,7	Канада	27,9

на науку в валовом внутреннем продукте вырастет с 1,1% (2007 г.) до 3,5% в 2030 г., а доля ассигнований на науку в расходной части бюджета за этот же период вырастет с 1,65% до 4,2% (рис. 11).

Это позволит России к 2030 г. выйти на третье место в мире по уровню наукоемкости в ВВП (табл. 7). В количественном выражении это означает достижение Россией к 2020 г. пятого места в мире по уровню затрат на исследования и разработки (табл. 8).

В качестве основного для российского общества результата от реализации данного сценария ожида-

ется общее повышение инновационности экономики. В частности, увеличения с 2007 г. до 2020 г.: вклада инновационных факторов в рост ВВП с 1,6% г. до 2,4%, доли высокотехнологичного сектора в ВВП с 10,6% до 18,5%, доли обрабатывающих производств в промышленности с 66% до 78%, удельного веса инновационно-активных предприятий с 9,5% до 30 %, удельного веса инновационной продукции — с 5,6% до 22%. Основные индикаторы инновационной деятельности в прогнозный период будут изменяться в следующем направлении: (табл. 9)

Табл. 9. Индикаторы перехода к инновационной экономике

	2007	2010	2015	2020	2030
Диверсификация экономики:					
Вклад инновационных факторов в рост ВВП*, %	1,6	1,7	1,9	2,4	3,0
Доля высокотехнологичного сектора в ВВП, %	10,6	12,0	14,5	18,5	22,0
Доля обрабатывающих производств в промышленном производстве, %	66,0	68,0	71,0	75,0	80,0
Инновационная активность:					
Удельный вес инновационно-активных предприятий в общем числе предприятий, %	9,5	11,8	16,0	22,0	29,0
Удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции организаций промышленности, %	5,6	6,3	13,0	22,0	30,0

*По данным МЭРТ России

6. Перспективы технологического развития ключевых секторов экономики и прогноз развития технологий

В представленных в данном разделе таблицах используемая оценочная шкала для сравнения отечественного уровня научно-технического и технологического развития по отношению к мировому уровню принята дискретной четырехуровневой:

1 — значительное отставание от мирового уровня;
 2 — общее отставание, некоторые достижения в отдельных областях;

3 — значительные достижения, приоритетные достижения в отдельных областях;

4 — высокий уровень развития, мировое лидерство.

Оценки динамики уровня технологического развития основаны на учете благоприятных условий фундаментальных и прикладных исследований, восстановления потенциала практических разработок и освоения инноваций (табл. 10).

Иными словами, по большинству позиций планируется достичь к 2030 г. мирового лидерства в области создания новых материалов.

Табл. 10. Новые материалы

Наименование технологической области	Существующий уровень	Сравнительная оценка			
		2010	2015	2020	2030
Металлические материалы	3	3	4	4	4
Керамические материалы	1	2	3	4	4
Композиционные материалы	2	3	3	4	4
Материалы для элементной базы радиоэлектронной техники	1–2	2	3	4	4
Радиопоглощающие, многофункциональные материалы	2	3	4	4	4
Лакокрасочные материалы и покрытия	2	3	3	4	4
Эластомерные материалы (герметики и компаунды)	2	3	3	3	3–4
Смазочные материалы (смазки, самосмазывающиеся материалы, твердосмазочные покрытия)	2	3	3	3	3–4

Табл. 11. Нанотехнологии, наноматериалы, наносистемная техника

Наименование технологической области	Существующий уровень	Сравнительная оценка			
		2010	2015	2020	2030
Электроника и фотоника, телекоммуникационные и информационно-вычислительные системы	2	2	3	3	3
Микро- и наносистемная техника	2	2	3	3	3–4
Источники энергии для космоса и автономных систем	2	2	3	3–4	3–4
Конструкционные материалы	2	2	2–3	3–4	3–4
Функциональные материалы	2	2	2–3	3–4	3–4
Оптические и оптоэлектронные технологии и системы	2	2	2	2	3
Нанобиосистемы	2	2	3	3	3
Метрологическое обеспечение nanoиндустрии	3	3	3	3	3

Табл. 12. Сводные данные по технологическим областям

Наименование технологической области	Существующий уровень	Сравнительная оценка			
		2010	2015	2020	2030
Новые материалы	2	2–3	3	3–4	4
Электронная компонентная база	1–2	2–3	3	3–4	4
Вычислительная техника	1–2	2	2–3	3	3–4
Системы и средства телекоммуникаций	2	2–3	2–3	3	3–4
Радиотехнические системы	2	2–3	2–3	3–4	3–4
Оптические и оптоэлектронные технологии и системы	1–2	2	2–3	3	3
Лазерные технологии и системы	2–3	2–3	3	3–4	3–4
Нанотехнологии, наноматериалы, наносистемная техника	2	2	2–3	3–4	3–4

В нанотехнологиях есть возможность преодолеть общее отставание, получить некоторые, а в отдельных областях и даже значительные достижения, приоритетные достижения в отдельных областях; по отдельным позициям высокого уровня развития (табл. 11).

Таким образом, по большинству технологических областей возможно достижение мирового уровня (табл. 12).

При этом в области информационно-телекоммуникационных систем по ряду позиций реально достижение мирового уровня.

Защита национальной идентичности и системы национальных ценностей как главная задача военной доктрины России

Надо попытаться срезать угол..., перемахнуть через пятый уклад и смело выходить сразу на шестой

*Д. Rogozin,
вице-премьер России*

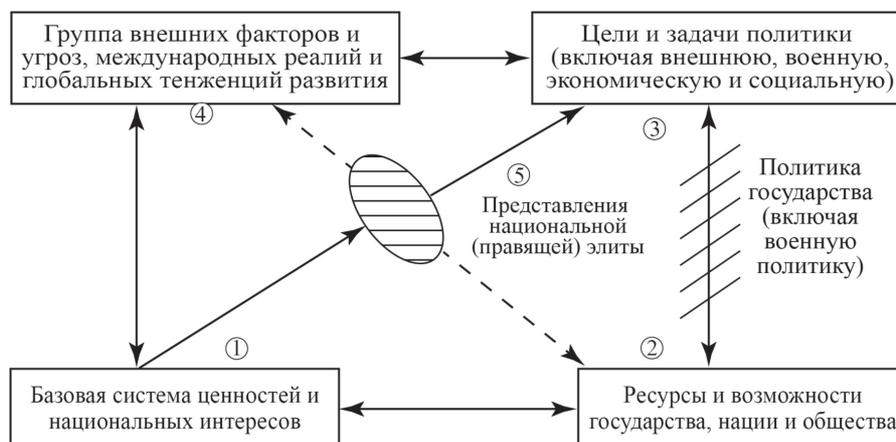
Прошлое нашего народа — славно. Будущее его — прекрасно!
из древнего пророчества

Не случайно группа факторов (Группа № 1), объединяющих подгруппу «базовые ценности» и подгруппу «национальные интересы», — является фундаментальной, имеющей принципиальное значение при формировании политики наций и государств, включая их военные доктрины. Именно эти факторы лежат в основе национального и государственного целеполагания и планирования.

Как видно из рисунка, правящая элита и руководство страны могут по большому счету лишь **интерпретировать** объективные факторы, что не исключает, но даже предполагает их субъективной, неадекватной оценки, в т.ч. даже игнорирования их объективного значения. Так было, например, в недавней политической истории России, когда либеральная элита откровенно игнорировала национальную систему ценностей и национальные интересы. Это привело в 90-е годы к катастрофическим демографическим последствиям, которые будут ощущаться еще до 2050 годов. Прежде всего, это затронуло собственно русских, а также русскоязычную часть населения СССР. Как отмечал Д. Терентьев, «К началу 1990-х положение русских в бывших республиках

СССР стало откровенно опасным. В Таджикистане в 1989 г. проживало около 400 тыс. русских, к 2000 г. осталось 68 тысяч. Сколько уехало в Россию, а сколько стали жертвами гражданской войны — неизвестно. Полно свидетельств, что русских вырезали целыми семьями только лишь за национальность. В Узбекистане головы «колонизаторов» выставляли на рынке напоказ. «Не покупай квартиру у Маши, всё равно будет наша» — было написано на заборах по всему бывшему Союзу. Азербайджан, Киргизия, Молдова — до сих пор российские власти не оглашают даже оценочных данных, сколько соотечественников погибло в результате этнических чисток. Тем более в разгар событий лидеры страны не решались требовать защиты для русского населения у коллег по СНГ, чтобы не портить отношения»⁴⁸.

«Случаи погромов русских отмечались даже внутри страны: в Якутии, Туве, Башкирии и на всём Северном Кавказе. По оценкам правозащитников, только в Чечне в 1991–1994 гг. погибли 20 тыс. славян и 250 тыс. покинули республику. И хотя в итоге Москва бросила на Грозный танки, это объяснялось „наведением конституционного порядка“. О защите

русских на Кавказе политики говорили лишь вскользь, а факт геноцида официально не признан до сих пор. Хотя в 2005 г. группа бывших жителей Грозного обратилась к президенту РФ именно с такой просьбой»⁴⁹.

Другая сторона проблемы — массовое бегство из России представителей творческого («креативного») класса, прежде всего ученых, программистов, профессуры, которые не смогли найти себе достойного применения на Родине.

Все это самым серьезным образом отразилось на системе национальных ценностей, главные носители которой количественно и качественно сокращались: уменьшилась не только численность населения, но и исчезли целые научные школы, творческие коллективы, даже социальные группы и институты. Это стало прямым следствием сознательно проводившейся либералами не только убогой социально-экономической, но и антинациональной политики.

Отчасти это продолжается и сегодня, ибо влияние этой либеральной социальной группы, особенно в финансово-экономической области, сохраняется.

Матрица системы национальных ценностей и национальных интересов

В целях лучшего анализа и формализации эту группу можно разбить на две подгруппы — национальную систему ценностей и национальные интересы.

Подгруппа «национальная система ценностей»	Угрозы национальной системе ценностей
—	
—	
—	
Подгруппа «национальные интересы»	
— глобальные (общечеловеческие)	экологическая, климатическая, космическая, ресурсная и пр. глобальные угрозы
— национальные	национальному человеческому потенциалу — количественные (демографические) — качественные (НЧП)
— государственные	угрозы суверенитету, территориальной целостности, экономическим интересам внутри страны и за рубежом
— классовые	
— групповые	
— личные	
—	

Как уже говорилось выше, группа факторов, входящих в систему национальных ценностей и национальных интересов, является базовой для анализа современной политики. Причем именно подгруппа «национальные ценности» становится постепенно более важной, чем подгруппа «национальные интересы». Осознание правящей элитой этой тенденции чрезвычайно важно, ибо в Военной доктрине особое значение имеет факт формализации, институализации субъективных представлений в нормативно-обязательный характер. Именно правящая элита и руководство страны в своих субъективных представлениях и оценках формулируют военно-политические цели и задачи, среди которых на первое место выходит задача обеспечения защиты (силовой) национальной идентичности и системы ценностей. Классическая задача защиты суверенитета, территориальной целостности и государственных интересов в современной военной доктрине России остается важнейшей, но уже подчиненной политической составляющей Военной доктрины. Именно поэтому ее взаимосвязь с военной доктриной государства, представлениями правящей элиты о целях, угрозах и способах их нейтрализации, является ключевой. Как минимум, по четырем основным причинам.

Причина первая. Государство (союз, в том числе экономический или военно-политический нескольких государств) в современном мире имеет право на существование до тех пор, пока оно обеспечивает национальную идентичность и систему общих ценностей. Значительное число государств уже не обладает полным суверенитетом, делегировав его насильственно или добровольно другим государствам или международным институтам. Но, что значительно хуже, — эти государства стремительно размывают свою идентичность. Известно, что военное поражение государства отнюдь не означает его гибель, но разрушение системы национальных ценностей неизбежно ведет к уничтожению государства, а затем и нации.

Причина вторая. Основная цель внешнего воздействия на государство отнюдь не само государство или его институты, а нация и ее система ценностей, национальная идентичность и соответствующие институты, защищающие идентичность. Именно против этих институтов направлены сегодня основные внешние усилия. Системы национального образования, научные школы, средства массовой информации, институты культуры и духовности стали главными объектами влияния. В этой связи совершенно по-новому и актуально звучит в последние годы тема роли православия и его важнейшего института — РПЦ, в частности, предложение о внесении в Конституцию пункта «об особой роли православия». Так, авторы этой инициативы отмечают: «И так же, как законодательно закреплен государственный суверенитет Российской Федерации, мы призываем закрепить ее суверенитет духовный, признав в Конституции

России особую роль православия. Конституционное закрепление духовного суверенитета позволит нашей стране сохранить национальную идентичность, государственную независимость и уберечь от новых потрясений. Без этого шага никакие экономические успехи не гарантируют нашей Родине спокойствия и процветания», — отмечают авторы документа, подчеркивая, что «этот шаг никоим образом не означает ущемления прав других традиционных для России религиозных общин»⁵⁰.

Причина третья. Взаимосвязь между сформулированными целями и выделенными ресурсами отражает способность государства защитить национальные интересы и систему национальных ценностей. Если исходить из классического подхода приоритета защиты национальных интересов и государственных институтов, то основные ресурсы — финансовые, материальные, интеллектуально-духовные — должны концентрироваться на этом направлении.

Если же согласиться с тем, что основным объектом, против которого направлены внешние усилия, является национальная система ценностей и идентичность, нация (а не государство и его институты), то неизбежно нужно сделать вывод о необходимости перераспределения ресурсов в их пользу. В частности, если речь идет о военной организации нации и государства, то приоритет должен быть отдан:

- развитию потенциала человека, а не макроэкономическим показателям. Именно человек становится ключевым критерием при оценке эффективности ОПК и ВС страны. Прежде всего уровень его культуры, образования, профессиональной подготовки, в пользу которых необходимо перераспределить и оборонный бюджет;
- развитию национальных научных школ, НИОКР, а не зарубежным заимствованиям. Это означает, что доля, затрачиваемая в военных расходах России, на НИОКР (8–9%) должна быть существенно увеличена, а внешне технологические заимствования сведены к минимуму;
- развитию институтов национального человеческого потенциала — научных, образовательных, общественных и др. организаций и объединений: патриотических обществ, военно-научных и военно-образовательных, ветеранских, молодежных, детских и иных объединений.

Иногда складывается ложное впечатление, что интеграционные процессы, глобализация и универсализация объективно ведут к ликвидации системы национальных ценностей интересов. Как правило, в этой связи приводят пример Евросоюза. Однако это не соответствует действительности. Страны Евросоюза и их экономики являются **межнациональным**, а не **наднациональным** объединением. Как справедливо замечает исследователь М. Мнацакян, «Национальное самосознание, в русле которого нередко вспыхивают мощные волны национализма (особенно, когда появляется угроза широкого наступ-

ления наднациональных сил), каждый раз срывает любую попытку так или иначе, в той или иной форме сузить реальные суверенные права национальных государств, особенно когда речь идет о внутринациональных и внутригосударственных проблемах.

Вся история становления и развития Евросоюза есть история поисков таких гармоничных, взаимовыгодных форм союза, когда сами интегрированные в данное сообщество государства наделяют его особыми правами и полномочиями не за счет своих суверенных прав, а в результате выделения и институционализации новых, ранее не известных, придания им таких функций, которые отвечают природе и интересам нормальной жизнедеятельности подобного гигантского межнационального и межгосударственного организма. Таким образом, права и полномочия Евросоюза это не отобранные и присвоенные им, урезанные у государств, а исконные и неповторимые, собственные, интегративные»⁵¹.

Таким образом, «объективные» внешние факторы на самом деле работают против национальных ценностных систем других, более слабых (культурно-идеологически, военно-политически) государств.

Причина четвертая. Только опираясь на собственный научный и культурный фундамент нация способна на равных конкурировать с другими нациями. В том числе и в научно-технологической военной области. Внешние заимствования, в т.ч. и технологические, изначально будут означать отставание на 10–15, а то и 30 лет, что неизбежно приведет к отставанию в качестве ВВТ, управлении войсками и военном искусстве. Только опираясь на национальные школы и технологии можно планировать, что мы сможем не только догнать опережающие нас на пятом технологическом этапе страны, но и «перескочить через этап», вступив в шестой технологический уклад. Проблема сохранения и развития единой национальной системы ценностей как основы существования нации и государственного суверенитета, а также евразийской интеграции сегодня в правящей элите и обществе очевидно недооценивается⁵². Забывается, в том числе и то, что в основе успешного примера европейской интеграции лежит фундамент общеевропейской системы ценностей, сложившийся в античную эпоху и христианский период развития, а также общие представления о европейской безопасности. Торгово-экономические аспекты и финансовая выгода — вторичны в интеграционном процессе, что отнюдь не является сегодня общепринятой точкой зрения в правящих элитах постсоветских государств. Может быть, этим и объясняются некоторые проблемы евразийской интеграции, прежде всего в области военно-политической интеграции.

Можно констатировать, что в течение многих столетий на огромном евразийском пространстве — от Центральной Европы до Сибири и Казахстана — такая общая система ценностей формировалась. Прежде всего потому, что большинство населявших

эту территорию народов были некогда частью таких государственных формирований, как Золотая Орда, Российская Империя и Советский Союз, а до этого и других союзов. Так, нашествие гуннов на Европу оставило глубокий след в истории российского этноса.

Славяне и кипчатская ветвь тюрских народов — татары, башкиры, казахи, киргизы и другие — тесно интегрировались с русскими в единую культурно-историческую среду еще несколько столетий назад. К началу нынешнего века славяне заселили большую часть северо-восточной Евразии. Современные ученые насчитывают 16 славянских народов общей численностью более 300 миллионов человек (русских — более 133 миллионов), составляющих основу 14 государств, а общая численность тюрков — примерно 170 миллионов (из них тюрков-кипчаков — примерно 20%).

Недавние исследования генетиков также подтверждают близость генотипов народов, проживающих от Сибири до Центральной Европы. Не случайно в книге Афанасия Никитина «Хождение за три моря», написанной на русском языке, многочисленные абзацы написаны на тюркском (татарском) языке.

В этом смысле угроза не только национальной, но и государственной безопасности России означает угрозу российской-славянско-тюркско-финско-угорской и т.д. — **идентичности, сложившейся даже за тысячелетия совместного проживания**. Не случайно в принятой В. В. Путиным в ноябре 2013 года Концепции общественной безопасности (как части Концепции национальной безопасности) говорится не только о террористической угрозе или чрезвычайных ситуациях, но и о других угрозах, прежде всего сохранении социальной и политической стабильности, «превентивной защите материальных и духовных ценностей общества..., прав и интересов граждан за рубежом»⁵³.

Иными словами, Конституция России, Военная доктрина и Концепция общественной безопасности России совпадают в той части, где речь идет о **защите национальной и гражданской идентичности**. Что, естественно, не случайно. При этом важно подчеркнуть, что в некоторых сферах — терроризм, нарко-трафик, политическая и социальная дестабилизация и ряд других — военные средства **обеспечивают реализацию мер безопасности несиловыми мерами, гарантируя защиту от внешнего вмешательства**. Так, политика общественно-политической «дестабилизации с помощью «мягкой силы», как показывает история, эффективна только при условии ее поддержки «жесткой силой», прежде всего военно-политическим давлением.

Сохранение и защита общих ценностей превращается в том числе в военно-политическую задачу, стоящую перед российской политикой евразийской интеграции. При этом важно подчеркнуть, что **культурно-историческая общность** постсоветских

государств совпадает с геополитическим **единым пространством** Евразии, основными **интересами безопасности** проживавших и проживающих сегодня на этой территории народов. Этот вывод принципиально важен. К сожалению, он сегодня в полной мере недооценивается, когда говорят о евразийской интеграции. Если в основе современной европейской интеграции находится идея формирования общей системы ценностей, которая отодвигает на второй план даже национальные интересы стран Евросоюза, то сохранение общности ценностной системы и геополитического пространства Евразии пока что не стала приоритетом интеграционного процесса в Евразии. Представляется, что в Военной доктрине России следует подчеркнуть, что общность интересов безопасности и систем ценностей постсоветских государств нераздельны.

Необходимо признать, что два интеграционных процесса, идущих в Евразии, — в Евросоюзе и на постсоветском пространстве — принципиально не отличаются друг от друга и вполне совместимы. Они не должны противопоставляться друг другу и могут быть при желании объединены в единый процесс, в котором участвуют все евразийские государства от Лиссабона до Владивостока. Проблема в разнице политических подходов, а не системах ценностей, которые пока что искусственно противопоставляются друг другу, разнице в способах обеспечения безопасности в отдельных регионах Евразии⁵⁴.

Для обеспечения безопасности России и развития евразийской интеграции на постсоветском пространстве ключевое значение имеют опережающие темпы развития восточных регионов России и **транспортной инфраструктуры**. Здесь интересы безопасности, интеграции, общности ценностной системы (например, европейской и азиатской частей России) и интересы развития также совпадают. Регион АТР уже превратился в новый мировой центр силы, в котором всё больше концентрируется мощь мировой экономики и торговли. И что немаловажно, растущая военная мощь. Доступ к странам этого региона для стран Евросоюза, Белоруссии и Казахстана будет во многом определяться степенью развития транспортной инфраструктуры России и возможностью защиты транспортных коридоров. И здесь так же огромное значение имеет общность исторических и культурных корней постсоветских государств: не только отсутствие языковых барьеров, общие традиции образования и воспитания, опыт освоения восточных регионов и строительство железных дорог, портов, аэродромов, но и создание в течение столетий интеграционных и кооперационных связей в промышленности, — всё это говорит о фундаментальной культурно-исторической общей интеграционной основе. Достаточно напомнить о сверхтяжелых карьерных самосвалах, производящихся в Белоруссии.

Сегодня очевидно, что в мире форсированными темпами идут два интеграционных процесса по соз-

данию Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерства (ТАП и ТТП), из которых — это важно подчеркнуть — исключены постсоветские государства. России в этой конфигурации не отводится никакого места. По сути дела речь идет не столько об экономической интеграции части стран Евразии и АТР, сколько о **борьбе за политический контроль над Евразией** со стороны Евросоюза, США, а в будущем и Китая. Это отчетливо проявилось в позиции Евросоюза по отношению к Украине осенью 2013 года, которая определялась прежде всего политическими интересами. Эксперты МГИМО(У) подчеркивают, что только 2 из 26 глав соглашения о ТТП имеют какое-то отношение к торговле. Большинство из них предоставляет привилегии американским корпорациям: «Будут ли в полной мере реализованы проекты ТАП и ТТП, как они будут работать — пока сказать сложно. Однако стоит отметить, что среди прогнозов по поводу того, как реализация проектов отразится на состоянии мировой экономической системы, немало оценок, которые выражают разного рода опасения»⁵⁵.

В частности, российские эксперты предполагают, что оба проекта ТАП и ТТП — нужны Б. Обаме для приобретения односторонних выгод для США: «формируя вокруг себя с помощью стратегии «мягкой силы» новую империю и претендуя в ней на место метрополии, США рассчитывают получить целый ряд односторонних выгод. Во-первых, укрепление своего главного стратегического ресурса — долларовой финансовой системы, пошатнувшейся под ударами глобального экономического кризиса. Во-вторых, активное продвижение высокотехнологичной продукции американских ТНК — в первую очередь космических, энергетических, информационно-сетевых, биотехнологических (включая производителей генномодифицированных продуктов). В-третьих, удешевление «колониальных» европейских товаров на американском внутреннем рынке, представляющих в своем подавляющем большинстве конечные продукты промышленного производства (транспортные средства, электрогенераторы, офисное оборудование и др.)»⁵⁶.

Военно-политическое значение этого процесса имеет огромное значение. По сути дела речь идет о создании политико-экономических коалиций во главе с США, которые неизбежно приобретают военное измерение: рост военных расходов, изменения в дислокации и структуре Вооруженных Сил США и НАТО, развитии новых ВиВТ.

Для России и постсоветских элит предстоит еще осознать эти процессы под военно-экономическим углом зрения. Просто сожалеть о распаде ОВД и СССР — бессмысленно. Нужно формировать общую геополитику будущего, понимая, что этот процесс будет встречать яростное противодействие, ибо речь идет о контроле над Евразией и в конечном счете о контроле над миром. В том числе с использованием военной силы. Такая геополитика должна формиро-

ваться на основе системы национальных ценностей и геополитике национальных интересов, что исключает идеологические либеральные заимствования, которые привели к огромным трагическим последствиям в 90-е годы XX века. Примеров последствий ошибочных и преступных решений, принятых под влиянием либеральной идеологии, множество. Многие из них имели серьезные военно-политические последствия. Ложные представления о роли военной силы привели к кризису в ВС России и деградации ОПК, последствия которого будут сказываться, как минимум, до 2030 года. Продажа США 500 тонн оружейного плутония за 11,9 млрд долл. (при их оценке в 8 млрд долл.), например, привело фактически к ликвидации запасов оружейного урана России⁵⁷.

Такой политический контроль над Евразией со стороны Запада подразумевает прежде всего продвижение собственной ценностной системы, в том числе и с помощью военной силы, навязывания другим странам норм и стандартов поведения, которые относятся к ценностям иной цивилизации, в том числе и военно-силовыми методами. Политическая борьба за Евразию всё больше приобретает формы культурно-ценностного, цивилизационного противоборства. Победа в такой борьбе будет означать потерю другой стороной не только суверенитета и контроля над территорией и природными ресурсами (что сегодня вполне осознается), со стороны государства, но и, главное, потерю национальной идентичности, разрушение системы национальных ценностей, т.е. **уничтожение нации**. И военная сила в такой борьбе будет играть в конечном счете решающую роль, гарантирующую эффективное использование всего спектра инструментов внешнего воздействия — от экономических и финансовых до гуманитарных.

В этих условиях альтернативная евразийская интеграция означает не больше и не меньше как политику сохранения суверенитета и национальной идентичности, в том числе и военными средствами. Неверный политический выбор неизбежно приведет к размыванию национальной системы ценностей и самоидентификации. Это неизбежно должно найти отражение в военной доктрине государств-участниц евразийской интеграции. В едином экономическом пространстве государств Евразии (и не только членом ТС или ОДКБ) объективно формируется потребность согласования и разработки единой военной доктрины. Так, решение о создании объединенной ВКО России, Белоруссии и Казахстана потребует формализации военных усилий и планов военного строительства, в том числе определения границ и единого командования, согласования мест размещения сил и средств ВКО. Тем более, если в перспективе речь будет идти об Армении и Киргизии, не говоря уже о Вьетнаме, Мьянме, Сербии.

Приоритет сохранения и развития национальной системы ценностей имеет прямое отношение к экономической и военно-технической политике

и стратегии национальной модернизации. Сегодня в России существуют два прямо противоположных подхода. Первый подход, реализуемый большинством элиты, заключается в том, что модернизация должна основываться на внешних заимствованиях. Второй подход исходит из того, что модернизация экономики, научно-техническая политика и создание технологий должны базироваться на национальной системе ценностей — культурных, научных, образовательных. Противоборство этих подходов в последнее десятилетие постепенно привело к пониманию, что либеральная политика заимствований ограничена и малоперспективна. Особенно в военно-технической области.

Это имеет принципиально важное значение для Военной доктрины России, особенно если исходить из того объективного факта, что, во-первых, будущие системы оружия и военной техники должны начинаться создаваться уже сегодня в расчете на то, что их поступление в Вооруженные Силы будет через 30–50 лет, а для этого нужны собственные, оригинальные идеи, фундаментальные исследования и НИ-ОКР. Собственные, означает, что они создаются на национальной, культурной и научной основе, школах, конструкторских бюро. Во-вторых, заимствования — это не просто чужое, но и, как правило, устаревшее, не отражающее реальных современных, а тем более будущих потребностей обороны России и ее союзников. Как справедливо заметил руководитель созданного в 2013 году Фонда перспективных исследований А. Григорьев, «мы действительно пытаемся сформулировать видение боевой техники шестого поколения, которая должна появиться в будущем и основы которой закладываются уже сейчас. А для этого нужно проводить поисковые, фундаментальные, точнее — близкие к фундаментальным исследования, дающие ту основу, которая через пять–десять лет, когда закончатся ОКР (опытно-конструкторские работы) по пятому поколению, позволит приступить к созданию оружия шестого поколения»⁵⁸.

При этом важно подчеркнуть, что приоритет национальной системы ценностей (в данном случае научных школ) выражается не только в способности формировать заказ на ВиВТ, но и прогнозировать характер и масштабы будущих угроз. Прежде всего национальной системе ценностей, идентичности и национальным интересам. Техническое задание на создание будущих систем ВиВТ должно формулироваться из оценки угроз, а не только перспектив развития техники.

В этой связи принципиально важно определить-ся со стратегией евразийской интеграции, в основе которой должна лежать не только торгово-экономическая выгода, но прежде всего сохранение общей системы ценностей и культурно-исторического наследия народов Евразии, обеспечение безопасности и суверенитета этих государств. Собственно гуманитарная, информационная и образовательная со-

ставляющие интеграционного процесса в странах Евразии (на которые обращают большое внимание в странах Евросоюза) должны стать государственным и общественным приоритетом. Как справедливо заметил премьер-министр Италии Э. Летта, «Культура и искусство — наша нефть, но в отличие от нефти неисчерпаемы»⁵⁹.

Общие исторические и культурные корни, общие ценности должны культивироваться на постсоветском пространстве, а не уничтожаться. Так, как они культивировались последние 50 лет в Западной Европе. Именно стремление ведущих западноевропейских стран создать эффективную систему безопасности на основе общеевропейских ценностей стало главным импульсом к формированию конфедерации под названием «Евросоюз». И сегодня, говоря об основном результате европейской интеграции, европейские политики подчеркивают, что впервые за всю историю Европы на протяжении 60 лет удалось избежать войн и крупных конфликтов, которые тысячелетиями сопровождали европейскую историю.

К сожалению, евразийская интеграция фактически игнорирует как приоритеты безопасности, так и приоритеты сохранения и развития единой ценностной системы, подчеркивая по всякому поводу приоритет торгово-экономического сотрудничества. Более того, нередко противопоставляя его приоритетам безопасности и развития общеценностной системы. Иногда мы наблюдаем даже обратный процесс — правящие элиты сознательно диверсифицируют ценностные интересы и интересы безопасности.

Не секрет, что нередко мы наблюдаем сознательно направляемые процессы и по «переписыванию истории», искажению современной политики союзных государств. Мы должны иметь не только общую историю, но и общее будущее, общие цели и общие ценности, которые базируются на общих корнях и наследии. Мы должны предложить общую цивилизационную, экономическую и социальную модель развития, которая была бы привлекательна и конкурентоспособна по сравнению с американской, китайской и западноевропейской. Другими словами, мы должны предложить привлекательную систему взглядов, т.е. **идеологию евразийской интеграции, которая стада бы основой интеграционной политики** — внешней, военной, экономической, социальной. Идеология, которая должна лечь в основу военных доктрин государств, участвующих в евразийской интеграции, а в конечном счете в общую (и позже — единую) военную доктрину военно-политического евразийского союза. Но изначально нужно, чтобы эти идеи были сформулированы в новом варианте Военной доктрины России.

Следует откровенно признать, что «российское ядро» должно стать **основой евразийской цивилизации и интеграции**. И это также важно сформулировать в Военной доктрине России. Необходимо публично кон-

стагировать, что Россия берет на себя главную ответственность за оборону и военно-техническую политику Евразии. Прежде всего потому, что сформированная в России система ценностей, история Евразии демонстрировали на протяжении столетий не только свою устойчивость и универсальность, но и способность учитывать и бережно относиться к национальным системам ценностей, а также противостоять чужим ценностным системам. Это принципиально важно в эпоху, когда цивилизационно-ценностные противоречия становятся основными в отношениях между государствами, вытесняя нередко даже экономические и военные. Немаловажно и то, что реальный военно-технический, экономический и научный потенциал концентрируется в России. Это предполагает активное привлечение и сотрудничество с другими странами, но, как видно из возможностей ВКО, ключевые направления сосредоточены в России.

Российская цивилизация, кроме того, обладает уникальной способностью ненасильственного распространения и проникновения по всем азимутам, что очень важно в условиях резко возросшей роли стран АТР и Центральной Азии. Напомню в этой связи, что «евразийская центрифуга» тысячелетиями «выталкивала» народы с востока на запад евразийского континента. И только русский народ двигался с запада на восток и юго-восток. Всей своей историей он доказал способность к развитию и бережному отношению чужого национального наследия и систем ценностей. Что является сегодня наиболее приоритетной задачей. Таким образом, работая над уточнением Военной доктрины России, мы должны иметь в виду, что формулируемые в ней цели и задачи должны в наибольшей степени отражать защиту системы национальных (и евразийских) ценностей и национальных интересов.

Главные существующие военно-политические угрозы России в представлении правящей элиты

Налицо противоречие между двумя фундаментально различными мировоззрениями, двумя эпистемами. Мы стали свидетелями «столкновения цивилизаций», в рамках которого центристы стремились обеспечить себе господствующие позиции в промежуточной «серой» зоне⁶⁰.

*Р. Саква,
английский политолог*

... несмотря на снижение вероятности развязывания против Российской Федерации крупномасштабной войны с применением обычных средств поражения и ядерного оружия, на ряде направлений военные опасности... усиливаются⁶¹.

Военная доктрина России

Военная доктрина, как система официально принятых в государстве взглядов, по своей сути является **частью идеологии** правящей элиты или (как справедливо говорится в энциклопедии) — «идейный стержень всей военно-политической деятельности государства (военной политики), как одного из направлений общей политики государства, политических партий, общественных организаций и институтов»⁶².

Соответственно, не определившись с общими подходами к политике и стратегии, вряд ли возможно четко сформулировать часть от этого общего целого. В данном случае — часть идеологии, представленной в военной доктрине. Именно это мы и наблюдаем в современной России, где опытный эксперт Р. Саква подметил два противостоящих лагеря элиты — либералов и традиционалистов, — между которыми в «серой зоне» находятся центристы, возглавляемые В. Путиным. Центристы, ориентированные на национальное развитие, но не способные сформулировать ни стратегии, ни концепции такого развития (о чем тоже пишет Р. Саква)⁶³.

Снижение вероятности крупномасштабной войны с помощью обычных и ядерных вооружений, констатируемое в Военной доктрине, можно назвать справедливой оценкой в краткосрочной перспективе. Она вытекает из характеристики тех «внешних военных опасностей», которая дается в Доктрине. Целесообразно их перечислить в том порядке, в каком они изложены⁶⁴:

- а) стремление наделить силовой потенциал Организации Североатлантического договора (НАТО) глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран — членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока (эту же угрозу С. Шойгу в ноябре 2013 года назвал «главной угрозой» (наравне с международным терроризмом) России)⁶⁵;
- б) попытки дестабилизировать обстановку в отдельных государствах и регионах и подорвать стратегическую стабильность;
- в) развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп

- государств) на территориях сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками государств, а также в прилегающих акваториях;
- г) создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также милитаризация космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия;
 - д) территориальные претензии к Российской Федерации и ее союзникам, вмешательство в их внутренние дела;
 - е) распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий, увеличение количества государств, обладающих ядерным оружием;
 - ж) нарушение отдельными государствами международных договоренностей, а также несоблюдение ранее заключенных международных договоров в области ограничения и сокращения вооружений;
 - з) применение военной силы на территориях сопредельных с Российской Федерацией государств в нарушение Устава ООН и других норм международного права;
 - и) наличие (возникновение) очагов и эскалация вооруженных конфликтов на территориях сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками государств;
 - к) распространение международного терроризма;
 - л) возникновение очагов межнациональной (межконфессиональной) напряженности, деятельность международных вооруженных радикальных группировок в районах, прилегающих к государственной границе Российской Федерации и границам ее союзников, а также наличие территориальных противоречий, рост сепаратизма и насильственного (религиозного) экстремизма в отдельных регионах мира.

Как видно, в Военной доктрине России перечислены 11 важнейших «опасностей» во вполне определенном порядке. И перечень этих «опасностей», и, главное, их приоритетность вызывают определенные возражения. Представляется, что их анализ и описание требует дополнительных усилий.

Так, главная угроза, если судить по принятой Военной доктрине России, исходит из глобализации функций НАТО и приближения инфраструктуры блока к границам России. Отчасти это справедливо: действительно НАТО в последние десятилетия превратилась из региональной организации в глобальную, в том числе во многом из-за того, что в нее вступили бывшие союзники СССР и даже республики.

Представляется, однако, что это не главное. За последние 20–25 лет политические границы и представления о военно-политической коалиции серьезно изменились. Прежде всего из-за того, что военно-технологическая революция изменила характер войн, выдвигая

на первый план такую сферу военных действий, как воздушное, космическое и информационное пространство. Базы, группировки сухопутных и военно-морских сил стремительно теряют свое значение, уступая его способности контролировать воздушно-космическое и информационное пространство. Так, дальность и точность КРМБ, ракет и бомб «воздух–земля» фактически сделала их стратегическим оружием, не требующим размещения вблизи границ, а бронетанковые соединения в реальности перестали играть решающую роль. Это означает, что нынешняя Военная доктрина России не отражает современных реалий. Как отмечает академик М. Горшков, мы имеем дело «совсем с другой экономикой и обществом», а Военная доктрина России с «той экономикой» и «тем обществом», которые относятся к реалиям 70–80-х годов XX века.

Сегодня изменился и перечень основных целей для нанесения ударов. Это в основном центры управления — политического и военного, — пункты связи и другие объекты инфраструктуры, без которых вооруженные силы уже не способны действовать эффективно, а не скопления живой силы и техники. Судьба войны по сути дела может быть решена в короткие сроки за счет массированного использования средств РЭБ и ВТО, нарушения управления страной и войсками. В этом смысле роль военно-политических коалиций определяется их влиянием на повышение информационных и наступательно-оборонительных операций.

Нельзя игнорировать и тот факт, что военное присутствие США в Европе сокращается, акцент в военной политике все более делается на АТР, а собственно потенциал НАТО в Европе (хотя и превосходит значительно российский) постепенно уменьшается. Так, по оценке главкома ОВС НАТО в Европе Ф. Бридлава, в ближайшие 10 лет военные расходы США в Европе будут сокращены на 20%⁶⁶.

Вторая по приоритетности и важности угроза — «попытки дестабилизировать обстановку в отдельных государствах и подорвать стратегическую стабильность»⁶⁷. Строго говоря, это не относится к военным угрозам. Как правило, такие действия носят общественно-политический характер и не могут быть нейтрализованы военной силой. Времена, когда вводились войска в Венгрию и Чехословакию, очевидно прошли. И здесь гораздо эффективнее те средства, которые относятся к средствам информационной и психологической войны, а также ресурсам МИД, Россотрудничества, Министерства культуры, Минэкономики, федеральным СМИ и общественным институтам.

Очевидно, что Минобороны и Генштаб должны активизировать эти направления в своей деятельности, превратив их в самостоятельный род войск, куда бы входило как киберкомандование, так и подразделения для специальных психологических и информационных операций.

Третья «опасность» — развертывание вблизи территории России вооруженных сил потенциальных противников — представляется особенно важной, но требующей конкретизации. Очевидно, что:

- а). США, страны Евросоюза и Китай не заинтересованы в реинтеграции и формировании на базе «российского ядра» нового центра силы в Евразии. Они будут откровенно и активно этому противодействовать (как показала история с давлением на Украину по поводу ее ассоциации с Евросоюзом), включая и вовлечение этих стран в свою военно-политическую активность и даже участие в военно-экономических и инфраструктурных проектах;
- б). Военная сила — в косвенной форме политической угрозы, как это было 08.08.08, так и в прямой, открытой форме, отнюдь не будет исключением. Надо полагать, что как через многосторонние, так и двусторонние договоренности они будут «отрезать» периферию от России;
- в). Не исключается, но даже предполагается использование военной силы в разных формах в борьбе за природные ресурсы России в восточных регионах и Арктике.

В целом же принципиально можно согласиться с мыслью Е. Примакова, полагающего, что «... гонку вооружений в мире ныне заменяет в значительной степени гонка технологий» и его концепций основных угроз, изложенных в статье «Безопасность и развитие — взаимосвязанные цели»⁶⁸. Есть смысл повторить его концепцию, комментируя её отдельные положения: «**Первое...** Активизация инновационных процессов становится критическим элементом военно-технического развития, создания научно-технического задела на десятилетия вперед для достижения устойчивого развития экономики страны и обеспечения национальной безопасности. Между тем структура военных расходов, можно считать, не нацелена на инновации. Доля ассигнований на военные НИОКР значительно ниже, чем в Соединенных Штатах». В США за прошедшее десятилетие расходы на военные НИОКР повысились с 43 до почти 80 млрд долл. в год. А расходы России на военные исследования и разработки отстают в 10 раз.

У нас целый ряд несовпадений, подчас противоречий с США, но есть чему и поучиться. Одним из примеров может служить американское военное ведомство, создавшее сеть лабораторий и исследовательских организаций видов вооруженных сил. Министерству обороны США непосредственно подчиняется и зарекомендовавшее себя с наилучшей стороны Агентство по перспективным оборонным научно-исследовательским разработкам — DARPA⁶⁹.

Созданный в России в 2013 году аналог DARPA — Фонд перспективных исследований, — безусловно, можно рассматривать как попытку исправить эту ситуацию. По мнению его руководителя А. Григорьева, прежде «...вообще не формулировалась задача

на создание революционных видов оружия, которые коренным образом могут изменить способы и методы ведения вооруженной борьбы. Причем, перед тем как создавать оружие, которое может появиться только через 10–15 лет, его облик и характеристики необходимо спрогнозировать. В этом мы видим одну из главных своих задач»⁷⁰.

Другая задача, которая прямо не относится к деятельности Фонда и которую он наверняка не сможет решить самостоятельно, это оценка будущей военно-политической ситуации в мире, перспектив развития России и ее союзников, формулирование национальных приоритетов, оценка внешних и внутренних угроз. Создание ВиВТ, особенно перспективных, будущих образцов во многом, если ни в основном, будет зависеть от адекватности оценок и прогнозов в этих областях. Что вполне понимает А. Григорьев, создавая дискуссионную площадку, в которой должны участвовать не только конструкторы и военные, но и гуманитарии, общественные деятели, политики.

Возвращаясь к концепции Е. М. Примакова, необходимо полно привести его мысль о второй по приоритетности задаче (и угрозе): «**Второе.** Мировая практика показывает, что если раньше основной поток технико-технологических новшеств шел из военного в гражданское производство, то теперь происходит **главным образом перетекание инновационных идей и технологий из гражданских отраслей в военные.** Для России это нисколько не снижает значения первого направления перетока, особенно прорывных идей, но в то же время подчеркивает необходимость научно-технической **подпитки ОПК со стороны гражданских научных организаций и предприятий**»⁷¹.

«**Третье.** Оказалась несостоятельной практика магистрального направления конверсии военного производства в гражданское, заложенная в 90-е годы. В то время производству вооружений уделялось значительно меньше внимания, чем производству на предприятиях ОПК продукции гражданского назначения — как правило, не с использованием высоких технологий, а ширпотреба, которого, следует сказать, не хватало в стране. Но оставим проблемы конверсии историкам.

Основная идея интеграции технологий военной промышленности в гражданское производство, естественно, сохраняется. Однако формы осуществления такой интеграции меняются. Одним из важных направлений уже стало производство в ОПК продукции двойного назначения или высокотехнологичной гражданской продукции, что, по сути, не разделяет предприятие, выпускающее военную продукцию, на две части, как предполагала конверсия, а, напротив, сплачивает производство в единое целое. Это создает возможность дать важную для народного хозяйства продукцию, не нарушая интересы оборонного комплекса.

Все большее значение приобретает участие наших оборонных предприятий в консолидации активов в крупные холдинги, что позволяет компаниям ОПК продвигаться в создании новых видов вооружений и одновременно расширять производство гражданской продукции. Такой „маневр“ начали успешно осуществлять Соединенные Штаты, где еще в 90-е годы произошло объединение активов компаний „Локхид Мартин“, „Боинг“, „Дженерал Дайнемикс“, „Рейтеон“⁷².

«Четвертое. Мировая практика показывает, что прорывы в области высоких технологий, в том числе, естественно, и в военной промышленности, возможны лишь в результате прохождения такой цепочки: фундаментальные исследования, требующие ряда лет, затем их воплощение в опытно-конструкторские разработки, за которыми следует серийное производство. Существуют серьезные недостатки в соединении результатов фундаментальных исследований с реальными потребностями ОПК. Надо полагать, здесь сыграет свою роль Фонд перспективных исследований (ФПИ), образованный в 2013 г. федеральным законом, внесенным Президентом Владимиром Владимировичем Путиным. Задача этого фонда не только в создании прототипов новых вооружений, но и определении приоритетных направлений, на которых должны быть сконцентрированы усилия всего оборонного комплекса для отражения будущих угроз безопасности России. Совершенно очевидно, что эта задача не может быть решена без научного прогноза технико-технологических прорывов общего характера, которые могут привести к революционным изменениям и в военной сфере. Здесь одна из важных областей взаимодействия ОПК с гражданской наукой»⁷³.

«Пятое. Как в большинстве развитых стран, военное производство в России развивается главным образом на государственных предприятиях. Был взят обоснованный курс на создание отраслевых объединений, находящихся под государственным контролем. Отход от этого курса, приватизация таких стратегических корпораций — абсолютно контрпродуктивна. Нельзя вообще отказываться или ослаблять государственное управление предприятиями ОПК. Вместе с тем остро стоит вопрос совершенствования деятельности госпредприятий в военном производстве и особенно интегрированности их внутренних структур. Часто проявляется раздробленность, которую не назовешь необходимой внутренней конкуренцией. Подчас имеет место стремление таких гособъединений работать в первую очередь для получения краткосрочной прибыли, а не системного долгосрочного результата.

Развитие ОПК предполагает включение в военное производство компаний частного сектора. Это происходит в различных формах: в виде негосударственных производственных объединений, непосредственно выполняющих оборонный госзаказ

(например, учрежденная АФК „Системой“ корпорация „РТИ“), либо привлечения оборонно-промышленным комплексом частных компаний в качестве соисполнителей, либо включения в объединения ОПК близких по профилю гражданских компаний. Любая такая форма взаимодействия с частным бизнесом весьма перспективна, в том числе в плане использования в военном производстве НИОКР частного сектора. В России есть такие примеры, но взаимодействие между ОПК и частными партнерами, несомненно, нуждается в системном улучшении»⁷⁴.

Хотел бы особо подчеркнуть заинтересованность предприятий ОПК в развитии конкуренции между компаниями, привлекаемыми из частного сектора, что, несомненно, должно способствовать повышению качества поставляемой ими продукции при снижении цен. В какой-то степени это, как и развитие внутренней конкуренции в ОПК, может снизить негативные последствия процесса монополизации отраслевых объединений.

Шестое. Большое значение для предприятий ОПК имеет стимулирование государством экспорта вооружений. В настоящее время он сопровождается расширением и импорта не производимого в России современного оборудования. Имеют место и отдельные примеры международной кооперации ОПК, что способствует его приобщению к современным научно-техническим достижениям. Но такая кооперация возможна лишь при сохранении автономии военного производства в России, что предполагает в том числе и производство отечественных комплектующих. Положительным примером может служить недавно созданный на базе „Ростехнологий“ крупнейший российский центр приборостроения, ориентированный на производство отечественных комплектующих и для ОПК, и для гражданских отраслей промышленности. В создаваемый концерн будут входить и научно-исследовательские институты и предприятия.

Седьмое. Первостепенное значение приобретает подготовка в гражданских вузах специалистов по изготовлению систем вооружений. Нехватка инженеров-технологов в ОПК составляет 17%, инженеров-конструкторов — 22%. К этому надо добавить, что нехватка квалифицированных рабочих достигает 40%. Конечно, привлечение в ОПК столь необходимых кадров зависит от их материальной заинтересованности. Но нельзя сбрасывать со счета и такую проблему, как подготовка специалистов. Мы много говорим, в частности, о необходимости восстановления системы профтехобразования, успешно проявившей себя в советское время и разрушенной в 90-х годах, но мало делаем для возвращения кузницы квалифицированных рабочих. Тяжелая демографическая ситуация также требует корректировки в этой части миграционной политики»⁷⁵.

Будущие военно-политические угрозы России: прогноз до 2030 и 2050 годов

Россию пытаются лишить ее сущности, проигнорировав ее тысячелетнюю историю, принизить ее географические масштабы на севере Евразии и связанные с этим угрозы⁷⁶.

*Р. Саква,
английский политолог*

... на государственном уровне по-прежнему никто не пытается при построении любых стратегических планов согласовать темпы экономического роста и социального развития⁷⁷.

*М. Горшков,
академик РАН*

Прежде всего необходимо отметить, что само по себе понятие «угроза» («грозящая опасность»)⁷⁸ — понятие относительное, а не абсолютное. В полной мере это относится к внешней угрозе, которая является одной из форм развития международных реалий, т. е. возможностью (вероятностью) превращения объективной международной реальности в угрозу. Поэтому при прогнозировании будущих военно-политических угроз следует:

- **во-первых**, исходить из долгосрочного прогноза развития объективных международных реалий, которые потенциально являются или могут превратиться в угрозы;
- **во-вторых**, из прогноза возможных действий по нейтрализации будущих угроз, которые в этом случае останутся в форме существующих или будущих международных реалий.

Место и значение существующих и будущих военно-политических угроз определяется в принципиальной схеме, описывающей систему взаимодействия основных политических факторов.

Как видно из рисунка, международные реалии оказывают **прямое влияние** на три группы факторов.

Во-первых, на формирование целей и задач Национальной стратегии (включая военную доктрину) по направлению «А–В», что является не только оче-

видным, но и естественным во взаимоотношениях государств и наций в мире.

При этом объективный характер международных реалий и способность целого ряда институтов к долгосрочному прогнозу, ставшая повседневной нормой в последние десятилетия, говорят о том, что это влияние в наибольшей степени носит объективный и научно-обоснованный характер. Так, оценки ООН, МВФ, МБ, целого ряда национальных институтов, сделанные в том числе на долгосрочную перспективу, часто совпадают или очень близки. В качестве примера можно привести сравнение долгосрочных прогнозов первичного энергопотребления в 2030, 2035 и 2040 годах (в основе которых лежат, как правило, демографические модели и модели роста душевого ВВП и потребления)⁷⁹ (рис. 12).

Во-вторых, на представления политической элиты и общества о мире, международных отношениях, основных мировых тенденциях развития и эволюции этих реалий в возможные угрозы (направления «А–В»).

Так, для российской элиты и общества последние десятилетия было характерно не преувеличивать значения внешних угроз, либо даже их недооценивать, что особенно заметно было в период правления М. Горбачева и первый президентский срок Б. Ельцина. Характерны, например результаты соцопроса, проведенного РАН в 1993 г.⁸⁰

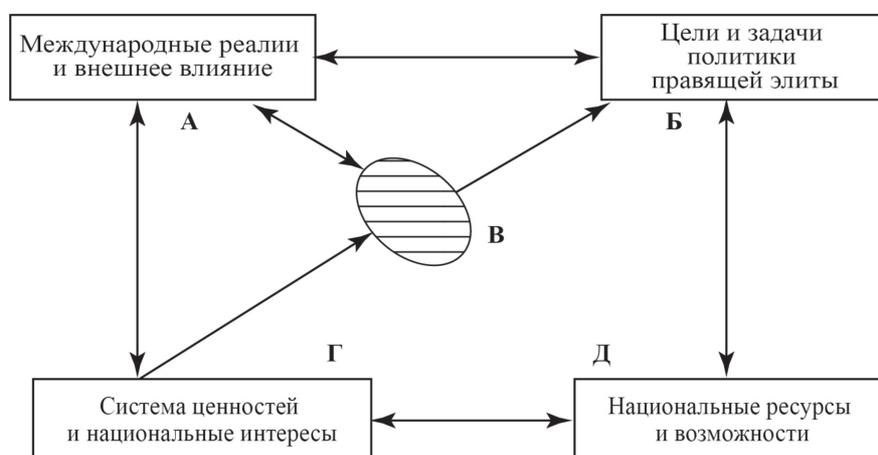

Рис. 12.

Главная угроза безопасности России
(в % по итогам опроса 1993 г.)

Главная угроза безопасности России	Всего
1. Нет угрозы	19,3
2. Затрудняются ответить	18,2
3. Угроза со стороны Японии	1,7
4. Угроза со стороны азиатских стран, таких, как Китай	6,3
5. Угроза со стороны Запада	6,8
6. Угроза со стороны Среднеазиатских стран, таких, как Иран, Афганистан	12,9
7. Другое	34,2

Обращает на себя внимание относительно высокий удельный вес лиц, указавших в качестве главной угрозы безопасности России — анонимное, или не предусмотренное в «закрытом» варианте вопроса — «другое». Это, как показал предварительный контент-анализ личных мнений респондентов, факторы так называемого «внутреннего риска», во-первых, пугающе нарастающее импотентство существующей власти, сумевшей танками расстрелять Верховный Совет в Белом Доме, но оказавшейся не способной потушить пожар Чеченской войны, во-вторых, захромавшая система управления и болезненные отношения между Федеральными властями и органами власти субъектов Российской Федерации, в-третьих, угроза целостности, единству и стабильности государства со стороны сепаратистских движений, элит, организаций, и, наконец, в-четвертых, губительно действующая на общество система дезинформации и псевдоинформации, направленная не на единение, а на разобщение народа.

Почти двукратное преобладание доли лиц, назвавших в числе главных угроз безопасности России совокупность внутренних факторов, сгруппированных при разработке базы данных в графу «другое» дает основание для вывода о том, что никакая отдельная внешняя угроза — Китай ли, Афганистан

ли, США ли, НАТО ли, не является для России столь опасной, нежели факторы ее внутренней нестабильности, в том числе ее руководство, не берущее «в голову» необходимость строить политическую и экономическую тактику и стратегию на основе достоверной информации и научно-обоснованных рекомендаций.

В-третьих, на систему базовых национальных ценностей и интересов (по вектору «А-Г»), это влияние в последние годы особенно усилилось, что позволяет говорить о том, что в будущем можно прогнозировать усиление этого влияния и его превращение в угрозы прежде всего нации и государству, а затем уже — обществу и личности.

Таким образом трансформация внешнего влияния в угрозы происходит непосредственно по трем основным направлениям:

- системе целей и задач;
- представлениям правящей элиты;
- системе национальных ценностей и национальным интересам (причем последнее направление становится наиболее приоритетным).

Эта модель может быть выражена следующим образом: (рис. 13).

Соответственно три типа возможных будущих угроз национальной безопасности и, в частности, три типа военно-политических угроз можно конкретизировать в порядке приоритетности, вычленив из их числа наиболее вероятные и опасные. С очень важной оговоркой: перерастание внешнего влияния в угрозы во многом если ни в главном зависит от действий стороны, против которой они направлены.

При этом важно разделить **внешние угрозы вообще и внешние угрозы безопасности**. Внешние угрозы могут относиться к самой широкой категории понятий — от экологии и демографии до экономики и политики. В отличие от них, внешние угрозы безопасности создают **непосредственную опасность** для нации, государства, общества и личности. Они соотносятся между собой как такие понятия, как «потенциал» и «фактор» (реализованный потенци-

Рис. 13.

ал). Таким образом мы можем выделить **три уровня** потенциальной опасности:

Первый уровень — объективное влияние внешних факторов, используемое в политике государств.

Второй уровень — превращение этого влияния во внешнюю угрозу.

Третий уровень — превращение внешней угрозы в угрозу безопасности нации и государству.

Это разделение необходимо для лучшего прогнозирования и точной оценки масштаба и характера возможных будущих угроз, недопущения их перерастания в угрозы «третьего уровня» — угрозы безопасности. Так, например, создание глобальной ПРО США в 2014 году можно отнести пока что к «Первому уровню», понимая, однако, что к 2020 году возможен переход на «Второй уровень», а к 2025–2030 годам — на «Третий уровень».

Другой пример. Сверхбыстрый рост военных расходов и закупок ВиВТ в ряде стран позволяет прогнозировать не только их будущую военную мощь, но и роль этих стран в мире и регионе в будущем. Так, сегодня лидерами по закупкам ВиВТ являются Индия, Австралия и Катар, на которые приходится более 37% мировых продаж, хотя оценка их военных потенциалов пока не вызывает тревоги. И, наоборот, КНР занимает только 31 место по объему закупок зарубежных ВиВТ, хотя прежде он являлся лидером. Это означает, что в АТР происходит стремительное изменение в соотношении военных сил, когда КНР, с одной стороны, переходит на масштабное производство собственных ВиВТ (скопированных, как правило, с других образцов), а Индия и Катар пытаются резко увеличить свои военные возможности за счет импорта (Индия заявила о намерении закупить на 94 млрд долл, а Катар — на 36,7 млрд долл.). Вслед за ними идет Саудовская Аравия (32,3 млрд долл.), Турция (27,1 млрд долл.), Канада и США (24,2 и 17,5 млрд долл. соответственно), ОАЭ (16,8 млрд долл.), Ю.Корея (14,5 млрд) и Великобритания (14,4 млрд)⁸¹.

Если для Индии такая «сверхвооруженность» может свидетельствовать о стремлении нейтрализовать быстрый рост военного потенциала КНР, то для Австралии, которая собирается потратить почти 45 млрд долл., это может свидетельствовать только об одном: при отсутствии внешних признаков угрозы

безопасности этому государству его правящая элита всерьез обеспокоена переходом внешней угрозы на этап угрозы безопасности (со «второго» на «третий» уровень), которая может исходить в будущем исключительно от Китая. Вряд ли Япония, США или Филиппины рассматриваются в качестве угрозы, заставившей Австралию стать вторым импортером ВиВТ в мире.

Прежде всего, по отношению к угрожаемому объекту (государству), его способности нейтрализовать эту опасность. Угрозы вообще крайне редко бывают абсолютными, неотвратимыми. Тем более в международной политике, где действуют различные субъекты, возможности которых определяются прежде всего соотношением сил и множеством других факторов.

Главная проблема в оценке будущих внешних военных угроз России заключается в том, что адекватность такой оценки зависит прежде всего от экономической и социальной ситуации в самой России, способности ее правящей элиты к опережающему развитию, а не только точной оценке будущих возможностей и намерений других государств.

Такое опережающее экономическое и социальное развитие является важнейшим условием успешной нейтрализации угроз как в военно-технологической области, так и в качестве личного состава Вооруженных сил. Эту закономерность графически можно изобразить следующим образом: (рис. 14).

Очень важно отметить принципиальную разницу между этапами 2030 и 2050 годов. Иными словами, в стратегическом прогнозе, где важнейшими факторами будут качество и объем национальных ресурсов прежде всего Национального человеческого капитала (НЧК), стабильность политической и социальной систем, способность к технологическому соревнованию, а соответственно и военной мощи государства, **внутренние факторы противодействия внешним угрозам будут играть решающее значение.** Актуальность внешних угроз таким образом **обратно пропорциональна** темпам развития, экономики и социально-политической стабильности ситуации в стране, способности нации и государства отстаивать национальную систему ценностей, национальные интересы, адекватно отражать изменяющуюся

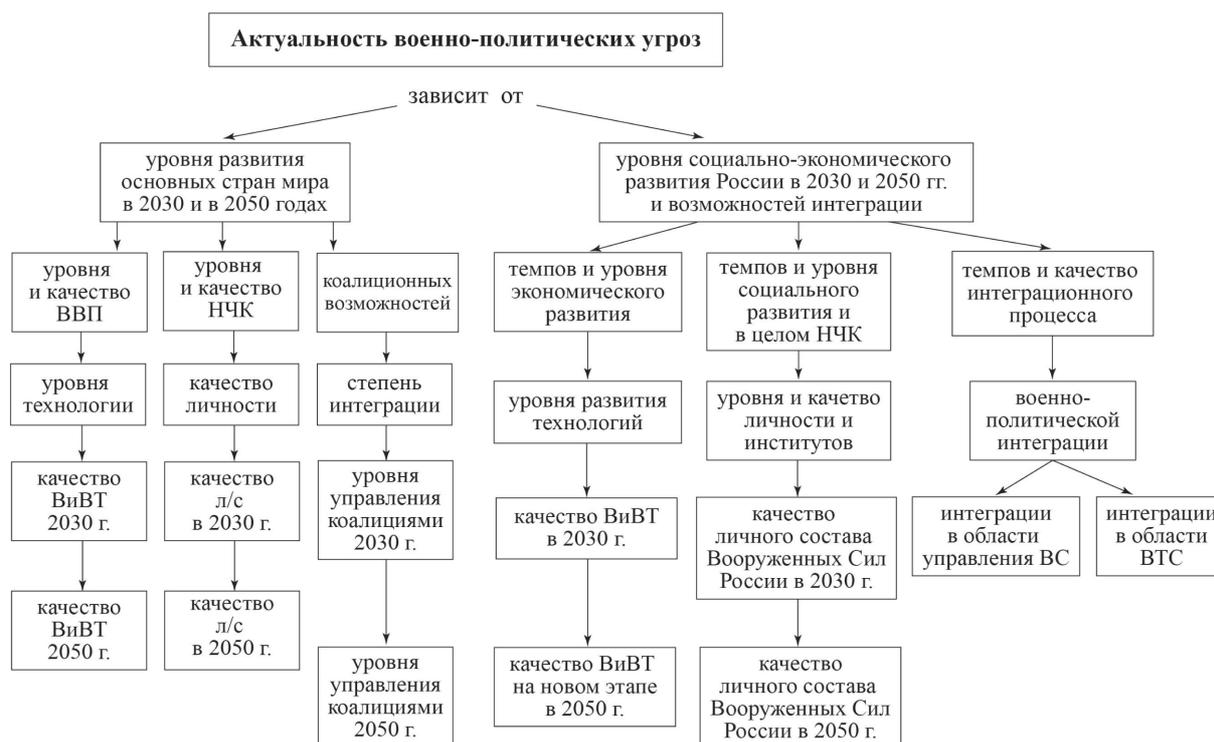

Рис. 14.

действительность и четко формулировать национальные цели развития. Это в целом повторяет ситуацию 1987–1991 годов, когда развал ОВД и СССР в наименьшей степени зависел от внешних факторов и в наибольшей — от действий правящих элит собственно стран социалистического содружества и СССР. В те же годы руководство Кубы, Вьетнама и КНР не только сохранило контроль над ситуацией в стране, но и успешно обеспечило развитие своих стран.

Поэтому делать анализ только внешних угроз и угроз безопасности («второго» и «третьего» уровней) без предварительного анализа будущих собственных возможностей (на «первом» уровне) изначально неверно: соотношение сил формируется именно отношением собственных сил к внешним факторам влияния, способным трансформироваться в угрозы.

Эта проблема — самая трудная, во-первых, потому, что при стратегическом прогнозе внешних угроз фактически игнорируется возможный уровень собственного экономического, технологического и социального развития (в лучшем случае делается прогноз уровня развития ОПК и ВС), а, во-вторых, такие прогнозы мы делать еще так и не научились. Либеральная идеология, до сих пор господствующая в финансово-экономической элите России, предлагает два метода: первый — экстраполяцию макроэкономических тенденций; второй — «вариативность» развития, хотя оба подхода себя не оправдали полностью.

Несмотря на это, для точной оценки влияния внешних факторов и угроз стратегический прогноз будущего экономического, научно-технического и социального положения России относительно других стран, а также регионов и даже военно-политических

союзов и коалиций делать необходимо. Причем по очень широкому спектру долгосрочных прогнозов критериев и ресурсов — от демографических и природных ресурсов до уровня научно-технического развития и анализа соотношения сил в области основных технологических направлений. При этом необходимо также пытаться прогнозировать появление принципиально новых видов угроз и опасностей, которые пока что незаметны или не являются явными международными факторами влияния. Так, со второго десятилетия XXI века общепринятыми считались три типа (группы) угроз — военно-политические, криминальные и террористические, что нашло свое отражение в нормативных документах, принятых в последнее десятилетие в России — Стратегии национальной безопасности, Военной доктрине, Морской доктрине и других документах.

Вместе с тем все актуальнее становились и новые угрозы, прежде всего в информационной области. На этом официально настаивало правительство России, в том числе и в ООН. В ноябре 2013 года по инициативе РФ, поддержанной 40 странами, была принята резолюция ООН об информационной безопасности. Одновременно в 2013 году в США и России были предприняты шаги по развитию специальных структур, контролирующих информационное пространство, и созданы «киберкомандования», которые превращаются в отдельный вид вооруженных сил. Этот пример — показателен, но он отнюдь не единичен. Требуют своего осмысления такие новые угрозы, как размещение оружия в космическом пространстве, появление оружия, основанного на новых физических принципах и т. д.

Формально военно-политические угрозы подробно перечислены в Военной доктрине Российской Федерации, принятой в 2010 году. В частности, важное значение имеет анализ характерных черт современных конфликтов:

- а) комплексное применение военной силы и сил и средств невоенного характера;
- б) массированное применение систем вооружения и военной техники, основанных на новых физических принципах и сопоставимых по эффективности с ядерным оружием;
- в) расширение масштабов применения войск (сил) и средств, действующих в воздушно-космическом пространстве;
- г) усиление роли информационного противоборства;
- д) сокращение временных параметров подготовки к ведению военных действий;
- е) повышение оперативности управления в результате перехода от строго вертикальной системы управления к глобальным сетевым автоматизированным системам управления войсками (силами) и оружием;
- ж) создание на территориях противоборствующих сторон постоянно действующей зоны военных действий⁸².

Появление в конце января 2013 года двух принципиально важных документов — плана обороны России и решения ВПК о том, что ГПВ-2025 будет базироваться на прогнозе угроз национальной безопасности — запоздалый, но, безусловно, крайне необходимый шаг, который был абсолютно невозможен еще недавно. И не только потому, что были крайне ограничены ресурсы, но прежде всего потому, что господство либеральной идеологии «экономизировало» всю общественно-политическую жизнь страны, отрицая не только госрегулирование, но и, как следствие, необходимость стратегических прогнозов и стратегического планирования, в том числе в военной области.

Конечно, финансово-монетарные власти, продолжая во многом контролировать экономическую политику страны, будут и дальше влиять на формирование военной политики (и не только в части приватизации и «менеджеризма» ОПК и ВС), но следует признать, что на рубеже 2012–2013 годов в этой области произошел серьезный идеологический перелом: В. Путин и часть поддерживающей его элиты сумели внести новые элементы в политическую и экономическую жизнь государства, направленные на укрепление его суверенитета. Без такого поворота необходимость в стратегическом прогнозе и планировании были бы невозможны.

Перечень **наиболее приоритетных международных факторов влияния и вытекающих из них военно-политических угроз для России** (с точки зрения перспектив ее развития), формирующихся сегодня и, вероятно, сохраняющих свою актуальность до 2030 и 2050 годов, выглядит следующим образом:

1. «Первый» уровень. Растущее отставание России в темпах развития и качестве национального человеческого капитала (НЧК) от ведущих стран мира, которое неизбежно ведет к отставанию в экономическом и социальном развитии. Как справедливо заметил академик М. Горшков, «именно состояние „человеческого капитала“ определяет, насколько быстро идет восстановление национальных экономик...»⁸³. Другой известный эксперт — Я. Миркин сказал еще жестче: «Каждый кризис, наступивший или только ожидаемый, — это жесткий вызов. Ответом на него должна быть долгосрочная политика, шахматная игра на усиление, цель которой одна — качество жизни, активное, ищущее новых шансов, население, не пытающееся бежать из страны. Все остальные цели и задачи — вторичны...»⁸⁴

При этом надо иметь в виду, что демографические показатели России и стран-членов СНГ к 2030–2040 годам фактически не изменятся и они будут существенно уступать не только аналогичным показателем в США, но и странам Ближнего Востока и особенно АТР.

Основной прирост населения смещается в Африку (где прирост составит 83%) и Индию (33%), тогда как численность населения Китая в силу политики «одна семья — один ребенок» практически не изменится. 90% абсолютного прироста населения мира придется на остальные развивающиеся страны Азии, что будет важнейшим драйвером спроса на энергию. К 2040 г. 73% населения Земли будет жить в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Африке, а самой населенной страной станет Индия. Из стран ОЭСР существенный прирост населения (24%) предполагается только в Северной Америке. Для России принята динамика общей численности населения по официальному прогнозу⁸⁵ (рис. 15).

При этом именно страны АТР, прежде всего КНР, Индия, Япония и другие, превратятся в основные страны-импортеры энергоресурсов.

Так как величина НЧК определяется прежде всего демографическими показателями (которые в России к 2040 году останутся на прежнем уровне), а в других странах они вырастут либо незначительно (как в Европе), либо существенно (как в АТР и США), то России предстоит сконцентрировать усилия на качестве своего НЧК и возможном привлечении на Родину покинувших ее миллионов граждан (что то же во многом зависит от привлекательности условий, т.е. в конечном счете качества НЧК).

Следует подчеркнуть, что темпы развития экономики, ее структура, качество в основном будут определяться качеством НЧК. В частности, если речь идет о главной проблеме экономики России — темпах развития промышленного производства и производительности труда, то их решение зависит прежде всего от темпов развития НЧК. Что понимается руководством страны. Так, в декабре 2013 года Председатель правительства Д. Медведев подчеркнул, что

Численность населения по регионам мира, млрд чел.

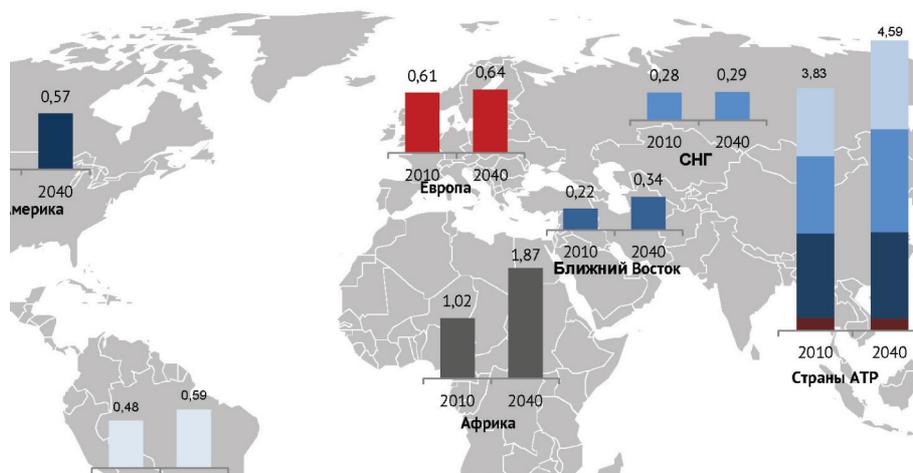

Рис. 15.

к 2020 году производительность труда должна быть увеличена на 50% и создано 25 млн рабочих мест на новых производствах⁸⁶.

Другими словами, определяющим будущее России ресурсом будет в еще большей степени Национальный человеческий капитал и его социальные институты реализации. «Качество жизни» — в конечном счете не только уровень душевого дохода, но, прежде всего, те условия, которые будут созданы для реализации человеческого потенциала государством и обществом⁸⁷. Важно подчеркнуть, что в дополнение к критериям, разработанным ПРООН (душевой доход, уровень здравоохранения, продолжительность жизни и образования) принципиально важно учитывать, в условиях противоборства различных цивилизационных моделей, два критерия, а именно:

- качество культурного и духовного потенциала нации, ее историческое наследие, система ценностей;
- качество фундаментальной и прикладной науки, способной производить оригинальные, не имеющие аналогов, продукты и услуги. Как справедливо заметил академик А. Арбатов, «статус России в мире как великой державы более все определяется ее научным потенциалом мирового значения...»⁸⁸

Важнейшее значение в этой связи приобретает долгосрочный прогноз научно-технического и технологического развития в мире и в России, который представляет собой наиболее трудную, но разрешимую задачу. Именно из этого прогноза будет в конечном счете вытекать:

- состояние экономики России;
- общественно-политическая стабильность;
- военный потенциал России.

Надо отчетливо понимать, что соревнование в создании новых видов и систем Вит, которое определяло последнее столетие военную мощь го-

сударства, уже превратилось в соревнование технологий. И не только (и даже не столько) военных, сколько гражданских и двойного назначения. Определением основных, критически важных технологий, в США, например, занимались активно все последние 50 лет. Более того, в зависимости от их приоритетности формировалась внешняя, внутренняя и военная политика страны, а с начала 70-х годов XX века и повестка дня на переговорах по ограничению и сокращению вооружений. Подобный подход в США сохранился и в наши дни и именно он определяет не только позицию США по развитию или сокращению вооружений, но и всю национальную стратегию, в основе которой лежит ставка на технологическое лидерство⁸⁹.

В России, к сожалению, такая работа началась значительно позже. Попытки в СССР — не в счет, — потому, что начаты были поздно и в конечном счете проигнорированы политической элитой при М. С. Горбачеве (хотя специальные НИРы, например, «Палац» и «Пирамида» делались во второй половине 80-х годов в ИМЭМО АН СССР). Следует отметить два долгосрочных прогноза научно-технологического развития — Минобра (2007–2010 гг.) и РАН (2008 г.), — которые были нацелены на 2030 г. Если первый в основном базировался на четырех сценариях развития как традиционном макроэкономическом подходе ВШЭ, то второй — на анализе разных мировых и собственно российских тенденций, в частности:

- состояния научного потенциала и научно-технологической инфраструктуры;
- направлений развития и модернизации научно-технологической сферы;
- макроэкономических тенденций и структурных сдвигов в социально-экономическом развитии;
- перспектив России на мировых рынках высокотехнологичной продукции;

— тенденций развития российской науки и ее места в международном научно-техническом пространстве.

Особое внимание при разработке ДПНТР было уделено его интеграции в единую систему стратегического управления российской экономики, опирающуюся на показатели долгосрочного макроэкономического прогноза⁹⁰.

- темпах роста, структуре и качестве ВВП, обрабатывающих отраслей в целом и ОПК, в частности. По оценке академика Е. Примакова, сегодня в ОПК России нехватка инженеров-технологов составляет 17%, конструкторов — 22%, квалифицированных рабочих — 40%⁹¹;
- развитию наукоемких отраслей промышленности, современных технологиях, включая военные, а в целом политики модернизации экономики страны;
- развитию государственных и общественных институтов, реализующих НЧП, включая неэффективности органов государственного и общественного управления;
- формировании «креативного класса», создающего основную часть национального богатства и ВВП страны;
- качестве НЧК в ОПК и ВС России;
- качестве и возможностях использовать «мягкую силу» в интересах обеспечения национальной безопасности⁹².

2. «Второй уровень»: Ослабление государства и его институтов, в т.ч. депопуляция и деиндустриализация восточных регионов России (от Урала до Дальнего Востока), в которых находятся основные природные и минеральные ресурсы страны и которые максимально близко к новым, быстро растущим центрам силы в Евразии и АТР.

Этим быстрорастущим центрам силы потребуется, прежде всего, колоссальный объем минеральных ресурсов, особенно энергетических. Так, если в целом в мире объем потребляемой первичной энергии к 2040 году вырастет с 13 000 млн т н.э. до 18 000 млн т н.э., а в развитых странах останется на прежнем уровне, то в развивающихся странах не-членах ОЭСР — с 8000 млн до 12 000 млн т н.э.⁹³ (рис. 16–18).

Таким образом, на протяжении последующих 25–30 лет прогнозируется резкий рост потребления энергоресурсов в новых центрах силы, прежде всего в АТР при сохранении практически той же существующей структуры потребления источников энергии. Борьба за энергетические ресурсы — места их добычи и пути транспортировки — будет, безусловно, тем влиятельным внешним фактором, который будет во многом определять внешнюю и военную политику государств, чье развитие будет зависеть от энергетики и других источников сырья. Очевидно, что кроме Японии, Вьетнама и других традиционных импортеров энергоресурсов, эта проблема станет

ключевой для новых экономических гигантов Евразии и АТР — Китая, Индии, Индонезии, Филиппин, Южной Кореи.

Следствием дальнейшего развития этой тенденции с военно-политической точки зрения может быть:

- ослабление влияния России в АТР и Евразии, ее вытеснение — экономическое, политическое, военное — из этих регионов более сильными державами, прежде всего, США, Китаем и Японией;
- потеря контроля над частью территории и ресурсами восточных регионов, которые могут стать предметом договоренностей между США, Японией и Китаем;
- утрата политических и экономических позиций в Центральной Азии и Закавказье, переход этих государств под контроль других государств и появление военной угрозы с южного направления, дестабилизация ситуации на юге России и в Поволжье;
- раскол в конечном счете страны на европейскую и азиатскую части при полной потере суверенитета над восточными и южными регионами России.

«Антиэтатизм», который был господствующей идеологией в 80-х и 90-х годах прошлого века, привел не только к распаду ОВД и СССР, но и сегодня ведет к развалу России, ее расчленению на «независимые» государства. Эта угроза сохраняет свою актуальность особенно в связи с воздействием внешних сил и, думается, будет усиливаться. Внешние противники прекрасно понимают значение государства и его институтов для сохранения и развития нации. Именно поэтому значительные усилия и средства концентрируются на внедрении ложных идей и ценностей, подрывающих государственные институты. Прежде всего в области информационного и гуманитарного воздействия. Как справедливо заметил академик М. Горшков, Россия — «... Особая цивилизационная конструкция. В нашем климате, с нашими расстояниями и распыленностью „демографии по географии“, с постоянными разрушительными войнами и внешними угрозами страна могла двигаться вперед и сохранять себя только единой волей государства, при концентрации всех ресурсов и сил. Плюс к тому Россия всегда была страной многонациональной, в ней и сейчас живут представители более 200 этносов, ее жители исповедуют разные религии, и объединяющая роль „центра“ всегда противостояла расколу и распаду страны»⁹⁴.

Сказанное означает, что военная угроза государству будет проявляться прежде всего в усилении дискредитации и развала его институтов — силовых, правовых, региональных, — дезинтеграции федерального центра и политической системы, что сделает их удобной мишенью для информационного и силового внешнего воздействия, приоритетными целями для ВТО.

Рис. 16.

Рис. 17.

Рис. 18.

3. «Третий уровень»: Формирование военно-политической коалиции под контролем США в Центральной Азии и на Среднем Востоке, враждебной России, что создает новый спектр угроз южного направления:

- создание военной инфраструктуры США, стран Евросоюза и их союзников в Центральной Азии и Закавказье, способной не только контролиро-

вать этот регион Евразии, но и непосредственно угрожать Югу России, Западной Сибири, Уралу и Поволжью;

- приближение к центральным районам России сил и средств, способных к нанесению «обезглавляющего» и «обезоруживающих» ударов с помощью ВТО и неядерных стратегических вооружений;

- перенос политики «дестабилизации» политических режимов на территорию России, используя в этих целях национальные меньшинства, общественные, религиозные и иные общественные объединения.

4. «Второй уровень»: Создание Соединенными Штатами и их союзниками новейших систем ВТО и стратегических неядерных вооружений (КР, боевых ударных беспилотников, ракет и бомб класса «воздух–земля», ГЗЛА), способными:

- к интеграции наступательных, оборонительных и информационных ВВТ в ядерный комплекс, способный обеспечить быстрый и эффективный переход от невоенного насилия (информационного и кибервоздействия) к прямому применению вооружений и достижению военной победы;
- обеспечить угрозу применения военной силы в открытой (эксплицитной) или закрытой (имплицитной) форме для обеспечения интересов США и продвижения их системы ценностей в России;
- обеспечить защиту территории США и их союзников в будущем в глобальном масштабе.

После того как в 2009 году был приостановлен первоначальный проект ПРО, предполагавший создание глобальной системы, способной перехватывать и обезвреживать все виды баллистических ракет, администрация Барака Обамы предложила новую концепцию регионального «щита». Она предусматривает отказ (по крайней мере, до 2020 года) от т. н. четвертого этапа развертывания системы, то есть от размещения в Европе противоракет, способных перехватывать межконтинентальные баллистические ракеты. Третий этап предполагает появление в Румынии и Польше зенитно-ракетных комплексов Aegis, а также строительство радиолокационной станции в Турции (в проекте Буша элементом системы должен был стать также радар в Чехии). Помимо этого в рамках НАТО ведутся переговоры на тему создания европейской системы ПРО с использованием американских элементов. Это намерение было подтверждено на саммите Альянса в Чикаго в 2012 году.

База в Девеселу — это второй этап воплощения в жизнь проекта по созданию региональной системы ПРО (первый включал в себя введение в строй радара в Турции и размещение в восточной части Средиземного моря американских кораблей с комплексом Aegis). На базе будет три батареи ракет-перехватчиков SM-3 (всего — 24 ракеты), их оперативная готовность будет достигнута к концу 2015 года. Следующий этап предполагает появление аналогичной системы в Польше до конца 2018 года⁹⁵.

- прямое использование ВТО против России и ее союзников с целью «разрушающего» удара.

5. «Третий уровень»: Внедрение новых концепций применения военной силы, способных вернуть

ей качество «используемого» политического инструмента против России:

- формирование системы управления ВС и ВВТ, ставящей перед собой достижение геополитических целей с использованием коалиционной стратегии;
- создание концепций информационного и кибернетического воздействия в качестве первой силовой фазы военных действий;
- пространственное объединение, прежде всего, в воздухе и космосе (от высот в несколько метров до сотен километров), а также в информационном пространстве средств нападения и защиты;
- создание системы «сетцентрического» управления вооруженными силами, ВВТ.

6. «Первый уровень»: Потенциальная возможность раздела «сфер влияния» между США и их союзниками, с одной стороны, и КНР, с другой, в Евразии и АТР:

- быстрое развитие нового центра силы в мире — Китая — неизбежно поставит вопрос о партнерстве (противодействии с США и их союзниками, что может привести к разделу сфер влияния в Евразии: «отдавая» Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию Китаю, США могут претендовать на Центральную Азию (включая Казахстан);
- по мере развития США и Китая их военные возможности, которые уже превышают возможности любой коалиции, могут превратиться в доминирующую в мире военную силу;
- в случае достижения договоренностей предметом такого компромисса могут стать восточные районы России, включая не только их ресурсы и материальные активы, транспортные коридоры, но и территории.

7. «Второй уровень»: Складывается устойчивое впечатление, что неравномерность в развитии отдельных государств и возникновение новых центров силы происходит параллельно с подготовительным этапом к более активным военным действиям, которые могут наступить после 2020 года. Общие тенденции таковы:

- развивающиеся страны имеют более высокие темпы роста ВВП, чем развитие, что неизбежно приведет к 2020 году к изменению соотношения сил в мире и соответственно военным возможностям и уровню влияния;
- мировая торговля и глобализация растут быстрее, чем темпы роста ВВП, что означает для стран, использующих эти возможности, более предпочтительные будущие условия существования. Сегодня это, прежде всего, КНР, Индия и Бразилия;
- интеграционные процессы становятся во многом определяющими будущее соотношение сил в мире и возможности государств. Проблема

лидерства в таких процессах становится все более актуальной и политизированной⁹⁶.

ДИНАМИКА РОСТА ВВП И МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ, %

Источник: IMF WEO, данные прогнозов на 8 октября 2013 г.

- неравномерность экономического, технологического и военно-технического развития создает предпосылки к изменению соотношения военных сил в мире, прежде всего в Евразии, что, в свою очередь, является прямым стимулом к применению военной силы;
- «подготовительный этап» отчетливо просматривается в тенденциях развития ВВП в пользу ВТО неядерного авиационно-космического компонента;
- завершение «подготовительного этапа» можно прогнозировать также исходя из концепции отказа от ядерного сдерживания, создания концепций первого, «обезоруживающего» удара и сетецентрических войн.

Индия, например, ведет разработку региональной эшелонированной системы противоракетной обороны, где роль ближних (к обороняющейся стороне) оборонительных эшелонов будут играть израильские системы «Хец» и «Железный купол» (или их аналоги, разрабатываемые совместно с Израилем с начала 2000-годов). Кроме того, Индия приняла на вооружение баллистические ракеты семейства «АГНИ», способные поражать цели в глубине территории Китая⁹⁷.

В свою очередь, Китай, наблюдая за этими приготовлениями, и опасаясь ВМС США (которые в случае войны блокируют пути поставок энергоносителей по морю), создает свою систему экономической и региональной безопасности. В частности, планирует строительство, или строит газо- и нефтепроводы, железные дороги, шоссейные трассы, логистическую инфраструктуру по маршрутам:

1. Китай — Киргизия — Узбекистан — Туркменистан — Иран;
2. Китай — Пакистан — Иран.

Главная задача этих путей сообщения — доставка энергоносителей в Китай, а также проецирование силы в регион бывшей советской Средней Азии (Центральной Азии — ЦА), и в регион Персидского

залива. Причем работа уже кипит вовсю: строятся пути сообщения в Киргизии и Узбекистане, скупается все, что может иметь хоть какую-то ценность для Китая в ЦА, планируется строительство газопровода Иран — Пакистан⁹⁸.

8. «Второй уровень»: Борьба за сырьевые ресурсы. Некоторые эксперты справедливо считают, что третья мировая война станет войной за водные и другие природные ресурсы. И действительно, для Центральной Азии эта проблема стоит особенно остро. Уже сейчас сформирован серьезный конфликтный потенциал вокруг использования странами региона вод трансграничных рек. В будущем эти противоречия будут лишь нарастать, особенно на фоне ряда других дестабилизирующих фактов как внутрорегионального, так и внешнего характера. Нерешенность водно-энергетической проблемы оказывает мощное негативное воздействие и на межэтнические отношения в регионе.

В 2006 году на заседании ЕврАзЭС была принята Программа эффективного использования водных ресурсов Центральной Азии, однако стороны так и не смогли договориться об условиях ее реализации. Поэтому сложность водно-энергетических проблем в Центральной Азии в значительной степени определяется причинами субъективного порядка, а именно, неспособностью или нежеланием самих Центрально-азиатских стран вступить в конструктивный диалог и выработать согласованные взаимоприемлемые подходы к использованию водных ресурсов.

В советское время водно-энергетическая проблема не обозначалась так остро. В период СССР существовала отработанная в течение десятилетий схема взаимобмена энергетическими ресурсами (нефтью, газом, углем, мазутом, электроэнергией) между Россией и республиками Центральной Азии (тогда регион назывался «Средняя Азия и Казахстан»). Ее суть заключалась в рациональном и взаимовыгодном обмене гидроэнергетических (возобновляемых) ресурсов Кыргызстана и Таджикистана (контролируют верхнее течение рек региона) на топливные (невозобновляемые) ресурсы других республик-участниц вышеуказанной схемы.

С одной стороны, в зимнее время в Кыргызстан и Таджикистан поставлялись туркмено-узбекский газ, казахстанский уголь, российский мазут, другие виды топлива в объемах, достаточных для выработки электроэнергии на тепловых электростанциях этих республик, а также для отопления их населенных пунктов. В свою очередь, Кыргызстан и Таджикистан значительно сокращали выработку электроэнергии на своих гидроэлектростанциях и ставили водохранилища в режим накопления воды. Так, в 1990 году в Таджикистан было поставлено примерно 5 млрд кубических метров газа (примерно 6,2% от туркмено-узбекского газового экспорта), а в Кыргызстан — около 3,6 млрд кубических метров газа (4,5% туркмено-узбекского газового экспорта).

С другой стороны, в летнее время поставки природного газа, а также угля и мазута в Кыргызстан и Таджикистан значительно сокращались. В свою очередь, эти республики переводили свои водохранилища в режим максимального сброса воды. Вырабатываемой на гидроэлектростанциях электроэнергии хватало и на собственные нужды и на поставки в Узбекистан, Туркменистан, ряд областей Казахстана и даже России. Параллельно с этим, Узбекистан, Туркменистан и ряд областей Казахстана (Южно-Казахстанская и Кызылординская) получали из Кыргызстана и Таджикистана воду, подавляющая часть которой шла для сельскохозяйственных нужд.

В целом, отсутствие водно-энергетической проблемы в период существования СССР было возможно лишь при наличии эффективной экономической схемы обмена водными и энергоресурсами в условиях структурно-экономической взаимозависимости и интеграции в системе «Россия — Центральная Азия». И, на мой взгляд, именно советский опыт может подсказать основные пути решения данной проблемы, если,

например, сформировать схожую с советской схему водно-энергетического взаимодействия, по крайней мере, в рамках самой Центральной Азии. Это, безусловно, потребует политической воли и существенных аналитических усилий если не по интеграции, то хотя бы по углублению сотрудничества и развитию кооперации между странами региона.

Альтернатива тому одна: дальнейшее размежевание, углубление проблем в отношениях и растущая подверженность внешнему воздействию. И, конечно, тогда прогноз Национального совета по разведке США о том, что в Центральной Азии возможны межгосударственные конфликты из-за водных ресурсов, вполне оправдан.

Поэтому, на мой взгляд, на данном этапе жизненно необходимы реальные и масштабные формы сотрудничества именно интеллектуалов — ученых, экспертов, аналитиков всех стран Центральной Азии. Именно эти люди, в случае их объединения в межгосударственные аналитические команды, и должны найти выход из нынешней, казалось бы, тупиковой ситуации.

Современная и будущая военная политика России

... бывает политика без войны,
но войны без политики не бывает...⁹⁹.

*Г. Жомини,
военный теоретик*

Взаимодействие между оборонно-промышленным комплексом и гражданским комплексом весьма важно, особенно в условиях стремления преодолеть низкие темпы роста ВВП и отставания в технико-технологическом прогрессе...¹⁰⁰.

*Е. Примаков,
академик*

Военная политика, как составная часть общегосударственной политики, относящейся к организации и применению средств вооруженного насилия для политических целей¹⁰¹, определяется военно-политическими целями государства. Основные задачи военной политики России вытекают из ее Военной доктрины и Стратегии национальной безопасности, а в более широком контексте из Стратегии национального (и государственного) развития России, формулируемой ее правящей элитой и обществом и господствующей идеологии правящей элиты. Другими словами, военная политика не существует сама по себе и не может формулироваться ни исключительно Президентом (хотя считается, что именно он формулирует основные задачи), ни тем более Военно-промышленной комиссией или Минобороны. Вместе с тем, в отличие от национальной стратегии, военная политика является исключительной прерогативой государства и его институтов, которые учитывают в той или иной степени потребности нации и обще-

ства, но руководствуются решениями высших государственных органов.

В зависимости от того, какая внешнеполитическая и социально-экономическая политика существует в то или иное время, у правящей элиты страны, осуществляется та или иная военная политика. Иногда, как в 90-е годы, она формируется под влиянием субъективных и случайных обстоятельств, воздействием случайных, нередко непрофессиональных личностей (М. Горбачев, Б. Ельцин, П. Грачев, А. Сердюков и т.д.), что в результате ведет к ее непоследовательности, ошибкам, даже преступлениям.

Принципиально важно четко определить цель и основные задачи военной политики России, из которых вытекает план основных мероприятий, лежащих в основе стратегического планирования и гособоронзаказа (ГОЗ) на долгосрочную перспективу. В этой связи неубедительно выглядит такая цель и задачи, сформулированная в Военной доктрине, утвержденной в 2010 году¹⁰²: «Военная политика

Российской Федерации направлена на недопущение гонки вооружений, сдерживание и предотвращение военных конфликтов, совершенствование военной организации, форм и способов применения Вооруженных Сил и других войск, а также средств поражения в целях обороны и обеспечения безопасности Российской Федерации, а также интересов ее союзников».

Так, военная политика не может быть направлена ни на «недопущение гонки вооружений», ни на «предотвращение военных конфликтов», что является целью внешней политики. Вторая часть определения цели в целом отражает главную цель военной организации и средств ведения войны, оставляя пространство для совершенствования **способов и форм** применения Вооруженных Сил — военному искусству.

Иными словами, важно понимать специфику военной доктрины, военной политики и военного искусства, их реализации отдельными государственными органами. Если, например, военная доктрина страны находится в компетенции высшего политического руководства, где руководство Минобороны и Генштаба выступает в качестве советников, то военная политика (реализующая доктринальные установки) — совместная компетенция МО и Правительства, — а военное искусство — прерогатива исключительно Генштаба.

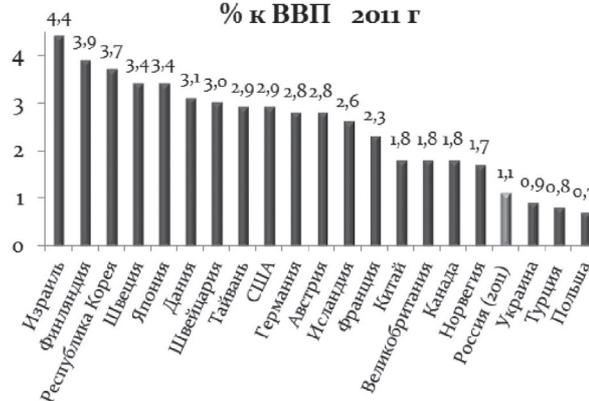
Для военной политики исключительно важное значение имеет стратегический прогноз и стратегическое планирование как в военно-политической, экономической и социальной, так и в научно-технической и технологической областях. Учитывая критически важную роль новейших технологий, эта область, можно констатировать, будет решающей в новом, шестом технологическом укладе после 2020 года. Как отмечается в долгосрочном прогнозе МЭРА, подготовленном в 2013 году, «Россия входит в число лидеров по ряду важнейших направлений исследований и разработок, в том числе в таких областях, как нанотехнологии, живые системы, охрана окружающей среды, атомная и водородная энергетика, энергосберегающие системы, разработки прикладных программных средств и других.

По абсолютному уровню, в пересчете по паритету покупательной способности, российские затраты на НИОКР находятся примерно на уровне европейских стран: выше уровня Италии, но ниже Великобритании. По данным за 2011 год (или ближайший год, по которому имеются данные по странам), Россия занимает 8-е место в мире. При этом уровень расходов на НИОКР к ВВП (1,1%) уступает не только показателям стран Европы (в среднем по странам ЕС-27 1,91% в 2010 г.), но и Австралии (2,24% в 2008 г.), Новой Зеландии (1,30% в 2009 г.) и другим странам.

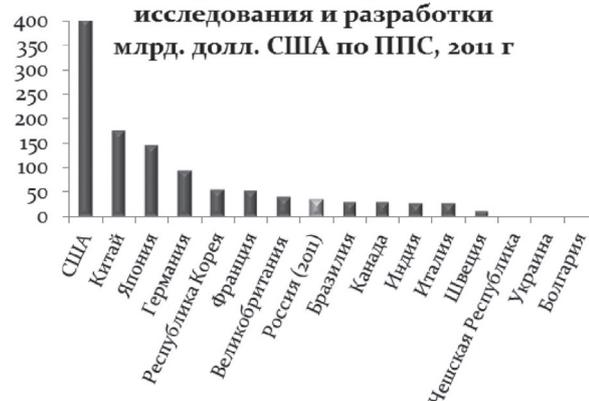
Расходы на НИОКР в России и в абсолютном, и в относительном выражении значительно ниже расходов стран лидеров (США — 2,9% ВВП, Китая — 1,8%

ВВП, Республики Корея — 3,74% ВВП, Японии — 3,4% ВВП).

Внутренние затраты на исследования и разработки % к ВВП 2011 г

Внутренние затраты на исследования и разработки млрд. долл. США по ППС, 2011 г

Затраты на науку в расчете на одного исследователя также уступают уровню Германии, США, Республике Корея. Ситуация усугубляется и тем, что материально-техническая база российской науки и испытательных центров значительно устарела.

Россия весьма слабо представлена на мировых рынках наукоемкой продукции. Ее доля на рынках высокотехнологичной продукции, по оценкам, составляет менее 1%, а в гражданской сфере — около 0,1%. Это сопоставимо с позициями таких стран, как Чехия, Норвегия и Португалия. Ни по одной из товарных групп гражданской высокотехнологичной продукции Россия не входит в число мировых лидеров-экспортеров.

Результативность научных исследований в России и степень их мирового признания невелика. По данным WEB of Science (Essential Science Indicators), по общему числу публикаций Россия занимает 14-е место, по общему числу ссылок — 23-е место.

По оценкам, Россия занимает лидирующие позиции или имеет разработки мирового уровня только по трети из 34 важнейших технологических направлений. При этом существующие перспективные технологические заделы в отечественной экономике широко не используются, до коммерческого

использования доведены лишь 16% технологий, из них только половина — технологии, соответствующие мировому уровню. В экономике сформировался значительный разрыв между созданием технологий в сфере НИОКР и их использованием в массовом производстве.

Увеличение финансирования науки в последние годы не переломило устойчивую негативную тенденцию изменения кадрового состава научного сектора»¹⁰³.

Существует известная взаимосвязь между средствами вооруженной борьбы (вооружениями и военной техникой — ВВТ) и способами их использования: новые ВВТ дают новые возможности и наоборот — новые потребности ставят задачи перед создателями ВВТ. Эта взаимосвязь находит свое выражение прежде всего в военной доктрине страны, точнее, тех оценках существующих и перспективных угроз, понимании национальных интересов и защите национальных ценностей.

Практически сегодня эта взаимосвязь проявляется, например, в концепции «Неядерный быстрый глобальный удар» (Prompt Global Strike — PGS) вызывает серьезное беспокойство российского военного и политического руководства. Согласно концепции, шахты и подвижные грунтовые комплексы некоторых государств подлежат уничтожению неядерными гиперзвуковыми ракетами и летательными аппаратами. Хотя официальный Вашингтон отрицает, что Россия входит в число целей, реальность угрозы подвергнуться ракетному блицкригу необходимо проанализировать.

В своих отчетах по «Неядерному быстрому глобальному удару» (НБГУ) руководство Пентагона, Стратегическое командование (СК) ВС США и Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) утверждают, что средства доставки и поражения предназначены для удара по китайским противоспутниковым системам, иранским и северокорейским ядерным объектам, стационарным позициям и подвижным установкам ракет с ядерными боевыми частями (ЯБЧ)¹⁰⁴...

Приоритетная цель PGS все-таки — хорошо защищенные стационарные стратегические объекты и комплексы противоспутниковой борьбы. Но у Китая, Северной Кореи и Ирана таких целей на порядок меньше, чем у России. Так что американский «быстрый удар», очевидно, будет направлен против шахт МБР, подвижных грунтовых ракетных комплексов (ПГРК), объектов наблюдения за космосом, командных пунктов...

Операции «Свобода Ираку», «Несокрушимая свобода» в Афганистане и «Союзная сила» в Югославии показывают, что США всегда стремятся нанести обезглавливающий удар по высшему руководству противника в первые часы конфликта, хотя и не всегда успешно. Так что гиперзвуковые средства поражения НБГУ прекрасно подходят для этой излюбленной стратегии Америки¹⁰⁵.

Американские эксперты утверждают, что обезоруживающий удар по России средствами поражения «Неядерного глобального удара» невозможен. Главная проблема — своевременное обнаружение размещенных в глубине нашей страны патрулирующих подвижных грунтовых ракетных комплексов. Отслеживать их надо в режиме реального времени, а бить максимально точно. Такую меткость способны обеспечить только системы спутниковой или авиационной радиолокационной разведки, такие, как спутники «Лакрос», самолеты-разведчики U-2R, E-8 «Джойнт Стар», беспилотники RQ-4 «Глобал Хок». Но время пролета «Лакросов» над территорией России ограничено, а количество спутников не позволяет организовать непрерывное наблюдение, так как сенат и конгресс США недавно отказали в финансировании запуска новых. Во время пролета спутников ПГРК можно прикрыть мощными радиоэлектронными помехами. Бортовые РЛС U-2R, RQ-4 и E-8 имеют высокие характеристики, но разведчикам все равно придется вторгаться на несколько тысяч километров в воздушное пространство России, что нереально. Тем более РВСН сейчас оснащаются самыми современными мобильными средствами РЭБ.

Позиции шахт межконтинентальных баллистических ракет хорошо известны, но уничтожить их средствами поражения НБГУ сложно. Чтобы разрушить крышку или саму шахту, нанести ракете неприемлемые повреждения, требуется попасть в радиусе восьми метров от центра позиции. Такую точность обеспечивает только GPS, ведь инерциальная система на гиперзвуковых скоростях бесполезна. На конечном участке полета скорость ракеты и летательного аппарата должна снизиться с пяти до одной тысячи метров в секунду. Разрабатывающиеся у нас средства глушения GPS закрывают стартовые позиции непроницаемым куполом помех, а комплексы С-400 и С-500 перехватят сбросившую скорость с гипер- до сверхзвука ракету.

Эти аргументы американских экспертов звучат убедительно, однако в России считают иначе. Известно, что СК ВС США специально ведутся разработки сейсмохимических датчиков, способных по давлению на грунт и наличию выхлопных газов в воздухе обнаруживать движение подвижных ракетных комплексов. Точность датчиков невысока, но если на маршрутах движения организовать сеть таких небольших малозаметных устройств, то можно получить требуемую точность наведения.

Подлетное время средств поражения НБГУ из Америки — около одного часа, и далеко «Тополь» или «Ярс» уйти не смогут. Правда, расставить датчики летательными аппаратами или военнослужащими СпН на земле просто так не получится в глубине российской территории, а маршруты ПГРК проверяются.

Но вот МБР шахтного базирования более уязвимы, так как навигационным системам GPS для успешной работы хватает даже слабого сигнала спутников.

На учениях 2013 г. дальней авиации и войск РЭБ на полигоне Ашулук полностью заглушить спутниковый сигнал GPS средствами РЭБ не удалось. К тому же американские гиперзвуковые ракеты и летательные аппараты могут быть оснащены комплексами преодоления ПРО с системами активных радиоэлектронных и пассивных физических помех.

Тем не менее угроза российским Ракетным войскам стратегического назначения не столь высока, как рисуют ее отечественные эксперты. Действенные системы обнаружения ППРК, непрерывного мониторинга и целеуказания у Пентагона вряд ли появятся до 2020 года¹⁰⁶...

Разрабатываемые с начала 2000-х годов планирующие гиперзвуковые летательные аппараты (ГЗЛА) HGV-2 и ANW могут стать главным и, вероятно, единственным средством поражения НБГУ. Аппарат запускается ракетой-носителем, достигает высоты несколько сотен тысяч метров, отделяется от носителя и планирует на гиперзвуковой скорости к цели. Если HGV-2 должен поражать цели на расстоянии 10 тысяч километров и запускаться с территории США, то ANW работает на вдвое меньшей дальности и может стартовать с наземных объектов и подводных лодок. На текущий момент HGV-2 провалил все испытания, а ANW имеет реальную возможность стать полноценной боевой системой к 2020–2025 годам. Планируется, что эти ГЗЛА будут развернуты на тихоокеанских атоллах Кваджалейн или Гуам, а также на базе «Диего-Гарсия» в Индийском океане. Размещение ANW на субмаринах под вопросом, так как размеры ракеты-носителя на базе МБР «Минитмен-3» не позволяют поставить их на АПЛ типа «Вирджиния» и «Лос-Анджелес», а к моменту запланированных на 2025 год первых испытательных пусков морского варианта ANW стратегические ракетносцы «Огайо» будут списаны.

ГЗЛА — смертельная угроза для средств ВКО, так как высота полета проходит ниже поля зрения радаров СПРН. Учитывая гиперзвуковую скорость ГЗЛА, у средств радиолокационного обнаружения и зенитных ракетных комплексов ПВО на реакцию остаются считанные минуты, если не секунды.

К средствам поражения «Неядерного быстрого глобального удара» специалисты ошибочно относят разрабатываемые по заказу Командования ударной авиации ВВС США гиперзвуковые крылатые ракеты X-51 «Вейв Райдер». Со временем они действительно могут войти в систему НБГУ, однако американские эксперты отмечают, что технические решения X-51 затрудняют ее использование как боевой единицы для ударов на большие дальности. По мнению командования ВВС США, оптимальная дальность поражения гиперзвуковой ракетой не более 500 километров, что меньше дальности современных дозвуковых ракет «Томагавк» и ALCM. Главная проблема, затрудняющая использование новой ракеты, — незначительная дальность и возможность

легко обнаружить. Развивающая скорость свыше 5 М на высоте 21 тысяча метров ракета не может маневрировать. Из-за значительного сопротивления воздуха при снижении к цели скорость X-51 падает в несколько раз, что делает ее легкой мишенью для средств ПВО. Таких проблем лишены классические, маскирующиеся на низкой высоте дозвуковые крылатые ракеты, поэтому ВВС США относятся очень скептически к возможности создания гиперзвуковой стратегической крылатой ракеты.

При анализе ситуации со средствами поражения НБГУ становится ясно, что пока они недотягивают до заявленных характеристик и требований по межконтинентальному поражению целей и меньше всего похожи на стратегическое оружие. Радиус применения действующей системы ANW всего пять тысяч километров, а доводка дальнобойной HGV-2, по прогнозам американских экспертов, займет до 15 лет и потребует больших средств, чем выделяется сейчас.

Учитывая имеющиеся наработки, а также планируемые места размещения (Диего-Гарсия, Гуам, Кваджалейн), угрозы для России пока нет. При нынешнем раскладе возможность нанести России обезоруживающий удар средствами «Неядерного быстрого глобального удара» нереализуема в ближайшие десять, а возможно, и 15 лет¹⁰⁷.

Другая взаимосвязь — между технологическим прогрессом и военными технологиями. Для современной России, отстающей в технологическом развитии, эта взаимосвязь имеет ключевое значение. На российский ОПК в начале XXI века приходилось около 30% валового производства в машиностроении, 45% — экспорта. В него входит порядка 1300 предприятий и организаций, а главное — в нем сосредоточены основные интеллектуальные ресурсы и современные технологии¹⁰⁸.

Наконец, современная военная политика должна учитывать принципиально новый, территориальный аспект, который характеризуется двумя основными обстоятельствами. Во-первых, изменение в соотношении сил в мире неизбежно ведет к тому, что безопасность России во многом будет обеспечена ее способностью контролировать восточные регионы страны и АТР, а также в Арктике. В Арктике, в частности, предусматривается дальнейшее совершенствование аэродромной сети и портовой инфраструктуры, планируется восстановить аэродромы и причальные сооружения на архипелагах в акватории Северного Ледовитого океана — на Земле Франца-Иосифа и Новосибирских островах. В соответствии с поручением Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами РФ, в октябре возобновил работу аэродром Темп, расположенный на острове Котельный (Новосибирские острова)¹⁰⁹.

Во-вторых, безопасность страны непосредственно будет связана со способностью контролировать транспортную инфраструктуру восточных регионов и движение товаров и людей с Запада на Восток

и наоборот. Это делает проблему транспортных коридоров, портов, морских акваторий и воздушного пространства по сути дела военно-политической проблемой. Так, после открытия 54-х километрового участка железной дороги (станцию Хасан и Раджин — КНДР) в практическую плоскость встал вопрос о ее продолжении в Южной Корее. Это позволяет фактически обеспечить проход грузов из Европы на Корейский полуостров¹⁰.

В этой связи особое значение приобретает развитие приграничного сотрудничества в военно-политической, научно-технической и производственной области. Причем в принципиально новом понимании, отличном от ставшего классическим определения, которое сегодня выглядит следующим образом: «Под приграничным сотрудничеством в Российской Федерации понимаются согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, направленные на укрепление взаимодействия Российской Федерации и сопредельных государств в решении вопросов устойчивого развития приграничных территорий Российской Федерации и сопредельных государств, повышения благосостояния населения приграничных территорий Российской Федерации и сопредельных государств, укрепления дружбы и добрососедства с этими государствами»¹¹.

Сегодня функции по выработке государственной политики в этой области закреплены за Министерством регионального развития (Постановление Правительства РФ № 234 от 26 апреля 2006 г.).

Вместе с тем, с военно-политической точки зрения возникает несколько важных проблем и возможностей, связанных с политикой евразийской интеграции. Так, воздушно-космическое пространство России и сопредельных государств, по сути, является единым, более того, оно включает и государства, которые не являются соседями России, но могут являться её союзниками и партнёрами (например,

Армения, Сербия, Кипр, Вьетнам, Мьянма и др.). Проблемы, возникающие, например, с испытанием БР КНДР, ракетными программами Ирана, Пакистана и ряда других стран, являются проблемами как для России, так и для других стран Евразии. В этой связи с пространственной точки зрения можно говорить о расширении представления о приграничном сотрудничестве в военно-политической области на всю Евразию. Эта проблема будет актуализирована в ещё большей степени по мере развёртывания наземных компонентов ПРО США в Румынии и Польше, а также морских компонентов ПРО США.

Другая сторона проблемы заключается в развитии промышленной кооперации отдельных отраслей, обеспечивающих ВКО. Сегодня в российском ОПК наиболее передовые технологии в информатике, ракетостроении, системах управления концентрируются в отраслях ВКО. Это позволило, например, Концерну «ПВО „Алмаз-Антей“» войти в десятку крупнейших мировых концернов. Также концентрируется и человеческий капитал, новейшие технологии и самые современные производства. Учитывая, что по мере снижения ресурсно-сырьевой компоненты в евразийском сотрудничестве увеличиваются для обрабатывающей промышленности, акцент на кооперации в области ВКО имеет огромное значение не только для безопасности, но и экономики евразийских государств.

Третий аспект приграничного сотрудничества заключается в развитии военно-технического сотрудничества (ВТС) между евразийскими государствами. Прежде всего, речь идёт об оборонительных системах ВКО, которые не могут создаваться в других государствах, но так же, как показывает опыт России и Казахстана, речь может идти о вертолётах, бронетанковой технике и других ВВТ. Уместно напомнить в этой связи и о том, что тягачи для комплексов С-300 и С-400 также производятся на минском автозаводе.

¹ Горшков М. Капитал не по Марксу // Российская газета. 2013. 8 ноября. С. 11.

² Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ 5 февраля 2010 г. / URL: «Президент России» / <http://www.kremlin.ru>

³ Юревич А. Идти нам на Хирш? // Независимая газета. 2013. 25 декабря. С. 11.

⁴ Ваганов А. ФАНОобразная форма жизни РАН // Независимая газета. 2013. 25 декабря. С. 11.

⁵ Каламанов В. А. Время преодоления. М.: Весь Мир, 2013. С. 318.

⁶ **Значение** военной силы — смысл, содержание, важность, (мат.) численная характеристика переменной, функция как средство политики.

⁷ **Роль военной силы** — как ограниченное множество действий (инструментов), выполняемых государством при реализации его политики.

⁸ Российская политическая энциклопедия / под ред. А. В. Торкунова. М. РОСПЭН, 1999 / URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-169601.html?page=8>

⁹ Тарасенко П. ОДКБ переключится на цветные революции // Коммерсант. 2013. 20 декабря. С. 7.

¹⁰ Российская политическая энциклопедия / под ред. А. В. Торкунова. М. РОСПЭН, 1999 / URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-169601.html?page=2>

¹¹ Луиз Ричардсон стала почетным доктором МГИМО /Эл. ресурс: «Портал МГИМО». 11 ноября 2013 г. / URL: <http://www.mgimo.ru/>

- ¹² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента России 12 мая 2009 г. № 537 / www.kremlin.ru
- ¹³ См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. Т. III. М.: МГИМО–Университет.
- ¹⁴ Цит. по *Ваганов А.* Технологии в идеологической западне // Независимая газета. НГ-наука. 2011. 28 декабря. С. 11.
- ¹⁵ *Шахрай С. М.* Урок Конституции. М.: МГИМО–Университет, 2013. С. 32.
- ¹⁶ **Симулякр** — копия, не имеющая оригинала в реальной действительности.
- ¹⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента России 12 мая 2009 г. № 537 / www.kremlin.ru
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента России 12 мая 2009 г. № 537 / www.kremlin.ru
- ²² **Интерес** — многозначное понятие (синоним — реальная потребность), которое вместе с определением «национальный», означает объективные национальные потребности, конкретизируемые в целях и задачах национального развития.
- ²³ **Демократия** — форма политической организации общества.
- ²⁴ **Конкурентоспособность** — способность определенного объекта или субъекта превосходить других конкурентов в определенных условиях.
- ²⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента России 12 мая 2009 г. № 537 / www.kremlin.ru
- ²⁶ **Качество жизни** — набор субъективных критериев, в т.ч. психологический комфорт, продолжительность жизни и др. Причем в ряде случаев противоречивых (ВВП и экология, например).
- ²⁷ См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. ТТ. I–III. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг.
- ²⁸ *Федосеев Р.* Держаться курса // ВВП. 2010. № 8 (58). С. 36.
- ²⁹ Россия и мир: 2010. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М.: ИМЭМО, 2009. С. 17.
- ³⁰ Современная российская политика: Курс лекций. Вып. 7 / под ред. В. А. Никонова. М.: Международный университет, 2010. С. 157, 164.
- ³¹ *Хрусталёв М. А.* Методология прикладного политического анализа. М.: МГИМО–Университет, 2010. С. 22–23.
- ³² *Каламанов В. А.* Время преодоления. Практическая философия российской идеи. М.: Весь Мир, 2013. С. 319.
- ³³ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ 5 февраля 2010 г. / Эл. ресурс: «Президент России» / <http://www.kremlin.ru>
- ³⁴ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ 5 февраля 2010 г. / <http://kremlin.ru>
- ³⁵ Содействие развитию государств Центральной Азии: стратегические горизонты российского участия. М.: РСМД, 2013. С. 20.
- ³⁶ Тихоокеанское обозрение 2011–2012 / под ред. Н. П. Малетина, О. В. Новаковой, В. В. Сумского. М.: МГИМО–Университет, С. 64–67.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Содействие развитию государств Центральной Азии: стратегические горизонты российского участия. М.: РСМД, 2013. С. 13–14.
- ⁴² Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ 5 февраля 2010 г. / Эл. ресурс: «Президент России» / <http://www.kremlin.ru>
- ⁴³ *Рогозин Д. О.* Робот встанет под ружье // Российская газета. 2013. 22 ноября. С. 17.
- ⁴⁴ Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу (до 2030 г.) Проект. М.: РАН, 2008. С. 21–25.
- ⁴⁵ *Мясников В.* Москва проиграла в космосе даже Пекину и Дели // Независимая газета. 2013. 20 декабря. С. 1.
- ⁴⁶ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ 5 февраля 2010 г. / Эл. ресурс: «Президент России» / <http://www.kremlin.ru>
- ⁴⁷ Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу (до 2030 г.) Проект. М.: РАН, 2008. С. 65–71.
- ⁴⁸ *Терентьев Д.* Скромное обаяние России. Почему не получается собрать всех русских в одной / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013 23 августа / URL: <http://topwar.ru/>
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Леонтьев М. Внесение в Конституцию пункта об особой роли православия / Эл. ресурс: «Росбалт». 2013. 23 ноября / URL: <http://www.rosbalt.ru/>
-

- ⁵¹ Мнацакян М. О. Глобальный мир и глобалистское мировоззрение. М.: Анкил, 2013. С. 272.
- ⁵² Тезисы доклада А. В. Торкунова на заседании Интеграционного клуба на тему «Общность исторических корней как фактор становления Евразийского союза» / Эл. ресурс «Портал МГИМО(У)». 2013. 19 ноября / <http://www.mgimo.ru/>
- ⁵³ Концепция общественной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ 20 ноября 2010 г. / Эл. ресурс: «Президент России» / <http://www.kremlin.ru>
- ⁵⁴ Тезисы доклада А. В. Торкунова на заседании Интеграционного клуба на тему «Общность исторических корней как фактор становления Евразийского союза» / Эл. ресурс «Портал МГИМО(У)». 2013. 19 ноября / <http://www.mgimo.ru/>
- ⁵⁵ Литвин В. Я., Иванов А. В. Проекты Транстихоокеанского и Трансатлантического экономического партнерства и связанные с их реализацией скрытые угрозы для России. М.: МГИМО–Университет, 2013. Ноябрь. С. 6.
- ⁵⁶ Европа как колония США? / Сайт Российские тенденции / URL: <http://rostend.ru/?q=node/1246>
- ⁵⁷ Катасонов В. «Афёра тысячелетия» завершилась: последняя партия нашего урана ушла за океан / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 21 ноября / <http://topwar.ru/>
- ⁵⁸ Григорьев А. Наша задача — спрогнозировать, какие средства вооруженной борьбы могут появиться через пятнадцать-двадцать лет / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 21 ноября / <http://eurasianintegration.ru/>
- ⁵⁹ Гусман М. Энрико Летта: Культура, в отличие от нефти, неисчерпаема // Российская газета. 2013. 25 ноября. С. 9.
- ⁶⁰ Саква Р. Диалог и разногласия // Российская газета. 2013. 6 ноября. С. 8.
- ⁶¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ 5 февраля 2010 г. / Эл. ресурс: «Президент России» / <http://www.kremlin.ru>
- ⁶² Военная доктрина. / Эл. ресурс: «Википедия» / <http://ru.wikipedia.org/wiki>
- ⁶³ Саква Р. Диалог и разногласия // Российская газета. 2013. 6 ноября. С. 8.
- ⁶⁴ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ 5 февраля 2010 г. / Эл. ресурс: «Президент России» / <http://www.kremlin.ru>
- ⁶⁵ Шойгу С. К. Российская армия никогда не будет полностью контрактной / Эл. ресурс «Новости» / <http://news.rambler.ru>
- ⁶⁶ США могут сократить военные расходы в Европе на 20 процентов / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 23 ноября / <http://eurasian-defence.ru>
- ⁶⁷ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ 5 февраля 2010 г. / Эл. ресурс: «Президент России» / <http://www.kremlin.ru>
- ⁶⁸ Примаков Е. М. Безопасность и развитие — взаимосвязанные цели // Российская газета. 2013. 10 октября.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Григорьев А. Наша задача — спрогнозировать, какие средства вооруженной борьбы могут появиться через пятнадцать-двадцать лет / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 21 ноября / <http://eurasian-defence.ru>
- ⁷¹ Примаков Е. М. Безопасность и развитие — взаимосвязанные цели // Российская газета. 2013. 10 октября.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Саква Р. Диалог и разногласия // Российская газета. 2013. 6 ноября. С. 8.
- ⁷⁷ Добрынина Е. Капитал не по Марксу // Российская газета. 2013. 8 ноября. С. 11.
- ⁷⁸ **Угроза** — намерение, выраженное явно (вербально, письменно) или косвенно (подсознательно) нанести моральный, политический, экономический и т.д. вред другому государству, нации, обществу, личности.
- ⁷⁹ Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года / М.: ИНЭИ РАН, 2013. С. 104.
- ⁸⁰ Исследования Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН / Эл. ресурс: «Выборы в России» / Опрос осуществлялся по проекту «Предвыборная ситуация в России — 1993 и 1995» (авторы проекта Джерри Хафф, Тим Колтон, Сьюзен Лейманн). Соучастниками подготовки инструментария и организаторами опроса в России были Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии (ИЭиА) РАН (руководитель М. Н. Губогло) и Центр социологических исследований МГУ (руководитель С. В. Туманов). Финансовую поддержку оказали Фонд Джона Д. и Катрин Т. Макартуров, Фонд Карнеги и Фонд национальной науки (США). Подробнее См.: Jerry F. Hough, Evelyn Davidheiser and Susan Lehmann. The 1996 Russian Presidential Election, Washington, 1996, PP. VIII, 1–2, 115.
- ⁸¹ Индия, Австралия и Катар станут самыми крупными заказчиками вооружений в ближнесрочной перспективе / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 31 декабря / <http://topwar.ru/>
- ⁸² Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ 5 февраля 2010 г. / Эл. ресурс: «Президент России» / <http://www.kremlin.ru>
- ⁸³ Горшков М. Капитал не по Марксу // Российская газета. 2013. 8 ноября. С. 11.
- ⁸⁴ Миркин Я. Танец на краю пропасти // Российская газета. 2013. 16 октября. С. 4.
- ⁸⁵ Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года / М.: ИНЭИ РАН, 2013. С. 12.
- ⁸⁶ Российская газета. 2013. 10 декабря / URL: <http://www.rg.ru/>
- ⁸⁷ Этой теме была посвящена серия книг, объединенных в 2007–2013 годах под названием «Национальный человеческий капитал». М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

- ⁸⁸ Арбатов А. Г. Российская наука на минном поле // Независимая газета. 2013. 16 октября. С. 5.
- ⁸⁹ См. подробнее: Подберезкин А. И. Военная доктрина США и развитие систем боевого управления, связи и разведки. Докт. диссертация. М.: Дипломатическая академия 1989 г. / URL: <http://viperson.ru>
- ⁹⁰ Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу (до 2030 г.). Концептуальные подходы, направления, прогнозные оценки и условия реализации. М.: РАН, 2008. С. 4.
- ⁹¹ Примаков Е. М. Безопасность и развитие — взаимосвязанные цели // Российская газета. 2013. 8 октября.
- ⁹² Подберезкин А. И. Семь военно-политических угроз. (Эти тезисы были опубликованы в марте 2013 года на портале «Viperson» / URL: <http://viperson.ru>).
- ⁹³ Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года / М.: ИНЭИ РАН, 2013. С. 98–99.
- ⁹⁴ Горшков М. Капитал не по Марксу // Российская газета. 2013. 8 ноября. С. 11.
- ⁹⁵ Домбровский Т., Вильк А. Система ПРО в Европе становится фактом / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 21 ноября / URL: <http://eurasian-defence.ru>
- ⁹⁶ Миркин Я. Танец на краю пропасти // Российская газета. 2013. 16 октября. С. 1, 4.
- ⁹⁷ Ракеты «Агни-5», впервые испытанные в 2012-м году, относятся к классу МБР и способны поражать цели на территории всего АТР, включая большую часть России. В 2013 г. успешно испытана модификация «Агни-3 SL», являющаяся БРПЛ, что теоретически позволяет рассматривать ее как оружие глобальной досягаемости.
- ⁹⁸ Воробьев А. Евразийский передел: Китай / Военное обозрение. 2013. 11 января / <http://topwar.ru>
- ⁹⁹ Цит. по: Генерал Антуан-Анри (в православии — Генрих Вениаминович) Жомини / URL: <http://www.rulex.ru/rpg/WebPict/fullpic/3017-097.jpg>
- ¹⁰⁰ Примаков Е. М. Безопасность и развитие — взаимосвязанные цели // Российская газета. 2013. 8 октября.
- ¹⁰¹ См., например: «Военная политика». Политологический словарь / URL: dic.academic.ru
- ¹⁰² Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ 5 февраля 2010 г. / Эл. ресурс: «Президент России» / <http://www.kremlin.ru>
- ¹⁰³ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. М.: МЭР, 2013. С. 116–117.
- ¹⁰⁴ Рамм А. Ракетный блицкриг пока откладывается / Военно-промышленный курьер. 2013. 6 ноября / URL: <http://eurasian-defence.ru/print/26909>
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Примаков Е. М. Безопасность и развитие — взаимосвязанные цели // Российская газета. 2013. 8 октября.
- ¹⁰⁹ Воронин Н. Арктические интересы России. Красная звезда. 2013. 6 ноября.
- ¹¹⁰ Торкунов А. В. Обсуждение проекта соединения железных дорог будет продолжено на высшем уровне / Эл. ресурс: Портал МГИМО(У). 2013. 8 ноября / URL: <http://www.mgimo.ru/>
- ¹¹¹ Приграничное сотрудничество / Эл. ресурс: «Минрегион» / URL: <http://minregion.ru>